

The background of the cover is a dark, starry space. In the upper left, a bright orange and yellow explosion or battle scene is depicted, with a blue spaceship visible nearby. On the right side, a young woman with short, straight brown hair and bangs is shown from the chest up. She has green eyes and is wearing a light pink t-shirt. She is sitting in what appears to be the cockpit of a spaceship, with blue and grey mechanical parts visible behind her. Her hands are clasped in her lap, and she is wearing a black wristband on her left wrist. The overall tone is dramatic and action-oriented.

СЕЛИНА КАТРИН

**АГЕНТ
СИГМА-КЛАССА**

**БОЛЬШЕ, ЧЕМ
ТЕЛОХРАНИТЕЛЬНИЦА**

Селина Катрин
Агент сигма-класса. Больше,
чем телохранительница
Серия «Федерация
Объединённых Миров»
Серия «Агенты», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69619348
SelfPub; 2023*

Аннотация

Космическая катастрофа перевернула всю мою жизнь. Я проснулась в теле шестилетней девочки с титановым скелетом и наноботами в крови. Спасшая меня тайная организация сообщила, что теперь я до конца своей жизни должна расплачиваться за операцию. С этого дня у меня новое имя, новое тело, новые возможности. Не спрашивая, мне не оставили от прошлой жизни даже воспоминаний о семье. Поняв, какая участь меня ждёт, я думала, что сойду с ума, однако по иронии судьбы мой контракт выкупил адмирал Космического Флота – герой войны и мужчина, которым я глубоко восхищалась, ещё будучи Дженнифер Рэтклифф. Том первый дилогии «Агент сигма-класса».

Содержание

Часть I. Космокатастрофа и её последствия	5
Глава 1. Новое тело	5
Глава 2. Элизабет	21
Глава 3. Сигма-класс	35
Глава 4. Лоретт	58
Глава 5. Адмирал Даррен	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Селина Катрин
Агент сигма-
класса. Больше, чем
телохранительница

Агент сигма-класса.

Больше, чем телохранительница

Часть I. Космокатастрофа и её последствия

Глава 1. Новое тело

Я вышла из сантехнического блока как раз тогда, когда в салоне раздался мягкий синтезированный женский голос:

– Пожалуйста, пристегните ремни безопасности.

Бросила беглый взгляд в иллюминатор, выполненный в форме огромной соты. Лайнер подлетал к системе, где располагался Зоннен – лучший курорт Федерации Объединённых Миров, – до планеты ещё минимум три или четыре часа лёту, и только после этого будет выполнен вход в атмосферу. Странно...

Над сантехническим блоком мигнула табличка «Пожалуйста, пристегните ремни безопасности». Вдохнула, но прошла на своё место и послушно закрепила ремень. Клипсы одна за другой вошли с тихим щелчком. Зачем пристёгиваться в глубоком космосе? Рядом нет ни звёзд-магнетронов, ни нестабильных кротовых нор, ни чёрных дыр, ни астероидных поясов, даже турбулентности и той нет. В космосе же. А маршрут Танорг-Зоннен – стандартный, здесь постоянно рейсовые лайнеры летают... Ерунда какая-то.

Вновь посмотрела через толстый стеклопластик на белую звезду и пока ещё крошечный шарик насыщенного цвета морской волны с белыми разводами. Будто кто-то набрал густой краски на кисточку и медленно-медленно опускает её в стакан с подкрашенной бирюзовой водой. Ох, неужели мне уже совсем скоро доведётся искупаться в огромном и чистейшем океане? Повалиться на мягчайшем розовом песке с манговым шейком? Попробовать универсальную межгалактическую кухню? Говорят, на Зоннен даже завозят устриц с Миттари...

Не успела я додумать мысль до конца, как из соседнего отсека раздался пугающе громкий треск, затем шум. Мои пальцы, всё ещё лежащие на пряжке ремня безопасности, случайно соскользнули и сами собой вдавили соседнюю кнопку, отвечающую за кислородный шлем.

Кромешная темнота, кто-то настойчиво тормозит меня за плечо.

– Подпишите?

– Что?

Что они от меня хотят? Почему не дают поспать?

– Приложите ладонь к планшету, скорее! Иначе мы не можем провести операцию! Вы умираете...

Умираю? Странно, а я ничего не чувствую, просто безумно хочу спать...

– ...Подписывайте, скорее!

Вредный голос не даёт мне выспаться. Не разлепляя век, я касаюсь чего-то плоского и холодного и со спокойной совестью разрешаю себе провалиться в сон.

Что-то противно пикало над ухом, веки казались тяжёлыми, словно свинец. Во рту было сухо, как на гоночной трассе М-14. Я разлепила глаза с мыслью, что надо бы найти воду. И увидела руки. Странные, очень худые предплечья, маленькие запястья, тонкие узловатые пальцы, обкусанные ногти с заусенцами вокруг кутикулы. А ещё четыре одинаковых тёмных родинки ближе к сгибу локтя, образующие идеально ровный параллелограмм. Это были совершенно точно не *мои* руки. В ту секунду, как пришло осознание, писк стал тревожнее и громче.

– Скорее, введите снотворное! Она просыпается, ещё слишком рано!

Через секунду полупрозрачный белёсый газ заволок чужие руки, и я почувствовала, что вновь засыпаю.

Когда я проснулась в следующий раз, пить хотелось всё так же сильно, но над ухом уже ничего не пищало, лишь тихо шуршало. Я распахнула ресницы и вновь уставилась на странные миниатюрные руки. Взгляд выхватил бинты, скользнул по стандартной капсуле регенерации, поднялся выше и наткнулся на мужчину с голубоватым оттенком кожи в медицинском костюме.

– Доброе утро. – Мне тепло улыбнулись, когда зрение

сфокусировалось. – Вы помните, как вас зовут? Ваш возраст, расу?

– Да-а-а, – протянула неуверенно. Собственный голос прозвучал слабо. – Дженнифер Рэтклифф, человек, урождённая гражданка Танорга, тридцать три года...

– Не волнуйтесь, дышите спокойнее. – Док посмотрел на электронное табло с многочисленными показателями, к которому подводились провода и трубки из моей капсулы. – Скажите, что последнее вы помните?

Я с трудом напрягла память и почувствовала почти физическую боль. В голове мелькали отрывки событий, яркие вспышки света и крошечная тьма.

– М-м-м... Я летела на рейсовом лайнере на Зоннен. Нас попросили пристегнуться... а потом... потом... не помню.

По лицу дока пробежала тень волнения, между иссиня-чёрных бровей залегла вертикальная морщинка.

– Дженнифер, это точно *последнее*, что вы помните?

Я подумала несколько секунд. Вроде бы меня просили что-то сделать... куда-то прикоснуться... или это было сном?

– Вроде да.

– Что ж, – мужчина тяжело вздохнул, – так бывает, что какие-то вещи мозг не фиксирует, тем более в такой стрессовой ситуации, как ваша. Думаю, болевой шок тоже сыграл не последнюю роль. Мы, конечно, старались погасить связь нервных окончаний... похоже, перестарались. Что ж, я на-

помню. Рейсовый лайнер, на котором вы путешествовали, потерпел крушение. Наш корабль выловил ваше тело из космоса, и буквально за несколько секунд до смерти вы успели подписать договор отпечатком... эм-м-м... ладони.

– Договор? За несколько секунд до смерти? Что?!

Я попыталась приподняться на локтях, но, к сожалению, колоссальная слабость не дала мне этого сделать.

– Дженнифер, прошу, не волнуйтесь. Вам это сейчас совсем нельзя.

Мужчина нажал несколько кнопок на дисплее регенерационной капсулы, одна из трубочек окрасилась в нежно-персиковый цвет, и я почувствовала, как тело против воли расслабляется, а дыхание замедляется. Мысли в голове всё ещё путались и перемещались с натужным скрипом, как плохо смазанный механизм, но желание во всём разобраться пока пересиливало общее состояние.

– Я... умерла? – Облизала губы. Станный вопрос, но почему-то сейчас он мне показался логичным.

– Нет, что вы! Мы вас спасли! – Мужчина вновь улыбнулся, но улыбка затронула лишь нижнюю часть его лица. С того момента, как я сказала, что ничего не помню, в его глазах плескалась неподдельная жалость. – Я не знаю, как вам об этом сказать, я всего лишь хирург, а не психолог... Договор... Я оставляю его здесь, на столике. Как только вам станет легче, вы сможете прочитать все условия.

Он положил электронную бумагу рядом со мной, но я его

остановила:

– Док, хотя бы коротко объясните мне, что произошло? – Собственный голос прозвучал умоляюще.

Миттар, а собеседник точно принадлежал этой расе – теперь, когда рассмотрела перепонки на его руках и крошечные чешуйки на висках, я в этом не сомневалась, – закусил нижнюю губу.

– Дженнифер, – тяжело вздохнул он, – вам очень повезло, что вас успели спасти. Вы единственная выжившая. Взрыв произошёл так быстро, что кислородный шлем успели активировать только вы. Это единственное, что вам требуется знать сейчас.

Я сглотнула, чувствуя, как липкий ком подступил к горлу. *Единственная выжившая.* Как бы док ни уверял меня в том, что мне повезло, я ни на грамм не почувствовала искренности в его словах.

– А руки? Я почему-то их не узнаю... Мне их оторвало, да? Это протезы?

Док вновь тяжело выдохнул и покачал головой:

– Практически. Я не хотел бы сейчас вдаваться в медицинские подробности, но да, руки... теперь не ваши.

– А что ещё не моё?

– М-м-м... Давайте я погружу вас в сон? Слишком много новостей...

– Док!

Несмотря на бесконечную слабость, я ухватила за край

одежды голубокожего мужчины. Он посмотрел на меня и еле заметно вздрогнул. Отвёл глаза:

– Практически всё тело не ваше. К сожалению, спасательная капсула, которая сработала одновременно с кислородным шлемом, не рассчитана на такие удары... Дженнифер... – Док сделал паузу на тяжелый вздох: – От вас мало что осталось. Мозг, сердце, правая почка, лёгкие, селезёнка. Был фрагмент печени, но его заменили фильтратом – служит дольше, а кровь очищает ничуть не хуже. Собственно, всё остальное – донорское тело, экспериментальная модель, которая удивительным образом подошла и по группе крови, и по резус-фактору, и по стволовым клеткам, и по массе других жизненно важных показателей. Мы выращивали тело в качестве носителя для мозга андроида, но работа не была завершена.

– Чьё у меня тело?

Вопрос дался мне с огромным усилием.

– Шестилетней девочки. Человека. Но, уверяю, Дженнифер, вам очень-очень повезло – все органы новенькие, только из пробирки...

В груди что-то болезненно сжалось, дисплей на капсуле предательски запищал. Док ойкнул и быстро набрал команду. Из стенок повалил уже знакомый белый туман, и я снова провалилась в сон.

Следующий раз я проснулась от громкого недовольного

женского голоса.

– Всё, хватит! Она и так проспала почти три недели! Всё что надо – уже срослось, больше держать её в этом состоянии нельзя, выводите...

Слова донеслись до меня сквозь ватный туман, затем слышались шаги, чьё-то бормотание, тихий писк аппаратуры...

К тому моменту, когда я всё-таки разлепила ресницы, напротив моей капсулы сидела очень красивая женщина с золотистой кожей, аккуратными чертами лица и невероятным насыщенно-малиновым цветом волос. Строгое платье до колен облегалo её потрясающую фигуру и выгодно подчёркивало верхние девяносто. Хотя какие там «девяносто»? Уверена, там все сто, если не сто десять. В первую секунду я даже обрадовалась, что наконец-то передо мной представительница моей расы, но львиный хвост с такой же малиновой кисточкой на конце быстро вернул меня с небес на землю. Эльтонийка.

– Доброе утро, Дженнифер Рэтклифф, – широко оскалилась женщина, и я подспудно почувствовала, что с этой дамой у меня доверительных отношений не сложится.

– Здравствуйте, – хмуро отозвалась я.

– Меня зовут Элизабет, можно просто Лиззи, – ответила посетительница, проигнорировав мой тон. – Меня обязали ввести тебя в курс дела. Договор ты уже читала?

– Нет.

– Тогда ознакомься, как будет время, а я пока кратко изложу сложившуюся ситуацию. Итак, наша организация называется Особым Отделом Космического Флота Федерации Объединённых Миров. Мы спасли тебя. К сожалению, просто привести тебя в чувство, положив в стандартную регенерационную капсулу, при твоём плачевном состоянии было невозможно. Мы подарили тебе искусственно выращенное тело и ввели сыворотку, состав которой держится в секрете. Она помогла твоему организму совместить старые органы с новыми и временно отключить нервные рецепторы, чтобы не перегрузить мозг...

– Секретную сыворотку? – перебила я.

Всё сказанное прозвучало как какая-то фантастика. Или бред больного сиумалишкой. Особый Отдел Космического Флота... Конечно, Космический Флот – серьёзная структура, защищающая все планеты, входящие в состав Федерации, в том числе и Танорг. Несмотря на то что филиала Космофлота на моей родной планете не было, о нём не слышал разве что глухой и слепой. Но Особый Отдел... Что это вообще такое? Никогда даже такого словосочетания не слышала. А фраза дока о том, что искусственно выращенное тело для биоандроида подошло настоящему человеку?! Разве так бывает? Все же знают, что киборгов просто обшивают живой кожей, и всё. Я сама имею высшее техническое образование, родом с самой технологичной планеты Федерации и много лет помогала отцу в его лавке вычислительной техники, уж

я-то знаю!

Эльтонийка поморщилась:

– Наноботы. Они фактически сшили все твои органы, встроились в костный мозг. Теперь являются неотъемлемой частью организма.

– М-м-м... – умно промычала. – О таких технологиях я даже не слышала.

– Так говорю же, разработка секретная. – Элизабет пожала плечами. – Военные придумали, а на них работают лучшие из лучших, потому и могут позволить себе и космос осваивать, и наукой заниматься, и чай с плюшками попивать между делом...

– С плюшками? – Незнакомое слово царапнуло слух.

– Это еда такая мучная. Не содержит никаких полезных веществ, но крайне вкусная. А, неважно... – Красотка махнула рукой. – В общем, так. На текущий момент в твоё тело вбуханы огромные, просто колоссальные деньги! И ты теперь вся с потрохами принадлежишь нам. То есть Особому Отделу. До конца жизни.

Я, не веря, распахнула глаза и посмотрела на свои крошечные руки и ноги. И вот это стоит «огромных, просто колоссальных денег»?

– Да-да, не смотри, что сейчас тебе шесть лет. Это бывает, но с возрастом проходит. – Элизабет рассмеялась своей шутке, но мне почему-то было не смешно. – Вот это всё, – она провела ладонью в воздухе сверху вниз, обозначая меня

от макушки до пяток, – стоит больше, чем рейсовый лайнер, на котором ты летела. Тебе таких денег в жизни не заработать. Ах да, я же забыла! Вы на своём Танорге так помешаны на общем равенстве, что живёте на подачки государства. Ты вообще знаешь, что такое деньги или работа?

– Конечно знаю! – искренне возмутилась я, чувствуя, как к щекам приливает краска.

Да, подавляющая часть населения моей родной планеты предпочитает праздный образ жизни, так как роботы заменили их везде. Танорг – единственная планета во всей Федерации, где работа не необходимость, а прихоть нескольких процентов населения. Лично я работала в лавке отца потому, что мне всегда нравилось ковыряться в технике и программном обеспечении, что-то настраивать, собирать, разбирать. Ну а клиентами отца были порой и миттары, и цварги, и эль-тонийки, так что кредиты тоже водились. Какие-то...

– Вот и отлично, что знаешь. – Элизабет кивнула. – Раз с этим ясно, тебе осталось решить, какое место займёшь в Особом Отделе и кем станешь. Благодаря тому, что твой мозг пересадили в тело шестилетней девочки, у тебя теперь появилась уйма времени в запасе, чтобы многому научиться, я уже не говорю о том, что наноботы существенно продлят твою жизнь. Напомни, сколько обычно живут таноржцы?

– Лет сто тридцать или сто пятьдесят, если здоровое питание, свежий воздух и никаких синтетических органов. С последними, конечно, дольше.

– Во-о-от, а ты минимум лет двести протянешь.

Двести лет, а то и больше... Если в меня вбухали, как говорит Элизабет, огромные деньги, то, скорее всего, Особый Отдел постарается сделать так, чтобы я жила как можно дольше.

Я всё ещё чувствовала себя странно. Очевидно, мне продолжали давать успокоительное, потому что собственная реакция на невероятные новости казалась мне притупленной. Ещё совсем недавно я летела на лайнере и представляла себя валяющейся на песчаном берегу бирюзового океана, а теперь что? А теперь мне рассказывают, что я потеряла почти всё тело, но взамен мне выдали искусственно выращенное детское и внедрили какую-то секретную разработку.

– ...сейчас самое время определиться, каким агентом ты хочешь стать. Я сама являюсь агентом пси-класса, – до меня донеслись слова малинововолосой красотки.

– Стой-стой-стой, погоди! А как же мои родители? Сестра? Им сообщили, что я выжила? Я могу, прежде чем заняться делами по договору, увидеться с ними?

Воспоминания о семье нахлынули внезапно. Отец с мамой настояли на том, чтобы я отправилась отдыхать на неделю раньше, ведь в Зоннене в это время как раз начинается брачный сезон аметистовых китов и радужное сияние кораллов. Они хотели, чтобы я как следует отдохнула и получила удовольствие и массу впечатлений от путешествия. Что ж, впечатлений у меня уже действительно так много, что пере-

валивает за все допустимые нормы и границы, а об удовольствии пока говорить не приходится. Повезло, что я не чувствовала боли... или совершенно о ней не помню.

После озвученного вопроса Элизабет посмотрела на меня так, будто я сморозила полнейшую глупость. Сердце сжалось и, клянусь, пропустило удар. В этом немом взгляде, полном удивления, снисхождения, толики насмешки и даже жалости, я прочла ответ: нет, нельзя.

– Малыш, – впервые за всё время эльтонийка попыталась разговаривать со мной мягко, а не тем нарочито беззаботным тоном, каким начала вести беседу, – ты никогда больше не сможешь увидеть свою семью. Понимаю, у вас родственные связи значат гораздо больше, чем у моей расы, и я даже не представляю, как тебе сейчас тяжело и больно, но Дженнифер Рэтклифф погибла. Её больше не существует. Теперь существует лишь маленькая шестилетняя девочка, чьи жизнь и тело полностью принадлежат Особому Отделу Космического Флота...

Ты никогда больше не сможешь увидеть свою семью.

Это прозвучало даже страшнее, чем то, что у меня теперь чужое тело. От откровенности Элизабет в горле запершило, а перед глазами помутнело.

– ...Не плачь. – Эльтонийка положила ладонь поверх моей, и я мысленно в который раз отметила, насколько крохотные у меня теперь пальчики. – У тебя замечательное тело, усиленное наноботами. Оно ещё не развилось, можно за-

ложить в программу любую внешность, какую только захочешь. Ты можешь стать безумно красивой женщиной. Любой размер груди, пропорции ног и туловища, тонкая талия, волосы до ягодиц...

Женщина продолжала перечислять и утешать меня, обрисовывая перспективы на будущее. Какая-то часть меня её слушала, а какая-то с горькими судорогами оплакивала Дженнифер Рэтклифф, любимых родителей, улыбчивую младшую сестру, лавку отца и уютную квартирку, несостоявшийся отпуск на планете, где круглогодично царит идеальная погода. А ведь я была счастлива в той, прошлой жизни. Мне ничего не требовалось – у меня было всё. Абсолютно. И моя внешность – стройная шатенка с карими глазами – меня полностью устраивала. Да, пускай не было таких крутых бёдер и выдающихся форм, как у этой эльтонийки, но мне всегда нравился кофейный цвет моих волос, и я гордилась тем, что к своим тридцати трём не сделала ни единой биологической модификации и даже линз не носила. Дженнифер Рэтклифф имела традиционную для таноржки внешность.

– Погодите, – внезапная мысль оборвала что-то внутри, – но если Дженнифер Рэтклифф умерла... то кто я теперь?

– А вот это мы как раз сейчас и решим. – Элизабет вновь вернулась к бодрому тону. – Оставить тебе старые имя и фамилию нельзя – сама понимаешь. Но Особый Отдел очень лояльно к тебе настроен, и мы понимаем, что полностью менять и то и другое будет для тебя проблематично. Опять же,

даже если ты выучишься отзывать на какую-нибудь Луизу, это всё равно произойдет с небольшой задержкой. Возможно, всего лишь на терцию, но всё же. Так что фамилию было принято просто обрезать до пяти букв – «Клифф». Насколько я знаю, на твоей планете это тоже распространённая фамилия, ведь так?

Растерянно кивнула. Клифф – действительно очень популярная фамилия, не только на Танорге, но и во всей Федерации.

– Ну, а имя... – Эльтонийка задумалась на мгновение, постукивая пальцами по пухлым губам, покрашенным ярко-алой с блёстками помадой. – Дженнифер, Дженнифер... Дженна. Как тебе Дженна?..

Как собачья кличка или марка дешёвого химического джема.

– ...Джен ещё можно, – тем временем продолжала себе-себе. – Только звучит уж очень брутально, по-мужски. Ну или Ди-Джей, Джеффри... Может, Джерри? Какое выберешь?

– Джерри сойдёт.

– Ну вот и отлично! – Красотка просияла. – Джерри Клифф, так и запишем в твои новые документы.

– У меня будут документы? – изумилась я.

– Конечно! – Эльтонийка опешила от вопроса и всплеснула руками. – Особый Отдел не рабовладельцы какие-то. Конечно у тебя будут документы! И образование тоже, только

надо выбрать, на кого будешь учиться.

– Вообще-то я закончила Высший Таноржский Университет Научных Открытий по технической специальности...

– Это всё замечательно, – перебила Элизабет, – вот только этого мало. Ты, кажется, до сих пор не поняла, *куда* попала. Повторю ещё раз: Особый Отдел Космического Флота. Если в Академию Космического Флота попадают лучшие из лучших, то в нашем отделе место есть лишь гениям. Мы все – высококвалифицированные *агенты*.

В этот момент коммуникатор на изящном запястье эльто-нийки тихонечко прогудел. Девушка нахмурила лоб.

– Шварх, – выругалась она, – начальство вызывает, а я так тебе всё и не успела рассказать. Ладно, зайду чуть позже. Ты пока приходи в себя, хорошенько поешь и изучи документы. Здесь всё очень сухо, лишь основная суть направлений специализаций агентов. – На столик поверх договора упала ещё одна папка. Уже перед самым выходом малинововолосая красотка бросила: – Когда вернусь, задашь вопросы. И не скучай, можешь кино посмотреть. Голопроектор встроен в потолок.

Как только Элизабет вышла из палаты, я почувствовала резко накатившую усталость.

Глава 2. Элизабет

Несмотря на то что всё тело ломило, я села и крайне медленно, преодолевая головокружение, встала. Регенерационная капсула показалась самой обычной – такие часто использовались на моей родине. Разве что снаружи к ней присоединялся дисплей с незнакомыми символами, да всевозможных датчиков было больше, а некоторые, судя по форме, рассчитаны не только на гуманоидов.

Сам медицинский отсек, в котором меня держали, произвёл хорошее впечатление: достаточно просторный, чистый, светлый. Признаюсь, в какой-то момент у меня возникла позорная мысль о галлюцинации. Но гладкие стены из пентасплава пластмассы, тёплый пол под ногами, тихий писк приборов – всё это не оставляло сомнений: я действительно жива, мне это не снится. Выпуклый куполовидный иллюминатор в дальней стене за капсулой демонстрировал открытый космос. Недолго думая я забралась в него с ногами и прильнула к прозрачному стеклопластику.

Космос меня интересовал мало. Конечно, было интересно посмотреть на скопления звёзд, но я не имела с собой ни астрономических карт, ни навигатора, ни робота-помощника, и поэтому красивая картинка по ту сторону иллюминатора для меня осталась лишь картинкой. А вот судно, на котором я оказалась, заинтересовало не на шутку.

Благодаря выпуклой форме иллюминатора я смогла рассмотреть гладкий чёрный бок корабля. Не было видно ни цветов бренда грузоперевозчика, как у гражданских рейсовых лайнеров, ни голубого с серебристыми полосами, как у Межгалактической Полиции, и даже ни тёмно-синего с золотой эмблемой, какие с гордостью наносит на свои борта Космический Флот. Глянцевый графитово-чёрный материал, практически сливающийся с самим космосом, еле заметная мерцающая защитная сеть, которую видно, только если прищуриться, необычная обтекаемая форма, нестандартные куполовидные иллюминаторы... Если я хоть что-то понимаю в технике, то такой корабль явно строился на заказ, и не один месяц. Особый Отдел, значит?..

Я вздохнула и обошла всю каюту. На этот раз задержалась ненадолго перед панелью управления, вмонтированной в широкий дисплей у входной двери. Вновь непонятные символы... Странно, я знаю и таноржский, и межгалактический, и даже для разнообразия выучила ещё пару языков, на которых говорят в Федерации, но все эти значки вижу впервые. Наугад ткнула в один из них, и на потолке зажегся экран головизора. Нехитрым перебором смогла потушить голопроектор, поменять интенсивность и цветовой баланс освещения, открыть и закрыть жалюзи иллюминатора.

После нажатия одной из сенсорных кнопок стена рядом пошла мелкой рябью и стала зеркальной. Моё удивление сменилось лёгкой оторопью, а затем и вовсе глубоким шо-

ком, когда маленькая зеленоглазая девочка, похожая на брошенного неоперившегося растерянного птенчика, вся в бинтах и белой пижаме, подняла руку вместе со мной, а затем потрогала свою персиковую щёчку. Тёмные, с карамельно-рыжеватым отливом чуть спутавшиеся волосы, ровно подстриженная чёлка, бледное лицо со слегка испуганным выражением, маленький вздёрнутый носик, милые ямочки на пухлых щёчках...

В эту секунду в душе что-то с громким звоном упало и рассыпалось на множество осколков. Это была моя наивная надежда на то, что всё можно поправить. Да, я уже видела эти крошечные запястья и ступни, и док сообщил, что теперь у меня тело шестилетней девочки, но я до сих пор не могла в это поверить. Как такое возможно?!

На этом, по всей видимости, мои права доступа заканчивались, так как при нажатии соседних кнопок на дисплее появилась бегущая строка: «Извините, не могу выполнить команду». Надпись дублировалась сразу на нескольких языках.

С громким вздохом оставив в покое панель управления, я забралась с ногами обратно в медицинскую капсулу и, немного поколебавшись, взяла электронную бумагу с договором. Пальцы покалывало от волнения. Я малодушно откладывала этот момент, но дольше тянуть было нельзя. Решительно открыла и погрузилась в чтение.

«...Фильтр крови универсальный А-класса – 3 550 кредитов;

донорская плазма высокой степени очистки – 580 кредитов;

выращенный в лабораторных условиях кожный покров, идентичный натуральному, – 4 883 кредита;

искусственный желудок А-класса – 2 220 кредитов; обезболивающее – 52 кредита...»

Чеки, чеки, чеки...

Чем больше я читала, тем больше волосков по всему телу становилось дыбом. Пятьдесят два кредита за обезболивающее! Да это же огромные деньги для лекарства! Раздери меня квазар, на Танорге *дополнительная* порция болеутоляющего для рожениц стоила полтора кредита! А тут пятьдесят два!

«...Титановая основа для протезов рук – 19 800 кредитов; регенерационные лучи капсулы поколения HDR-16 в течение пятисот астрономических часов – 55 930 кредитов...»

Пятьсот часов?! Три недели в капсуле, когда в среднем царапина лечится за минуту, а перелом – за два-три часа?! Ох ты ж...

Я глубоко вздохнула, унимая бешеное сердцебиение. Похоже, меня действительно достали с того света, а судя по тому, сколько я теперь должна, ближайшую сотню лет буду работать на Особый Отдел без права на отпуск.

Перелистывая страницу за страницей, я суммировала затраты, прикидывая в уме, как можно заработать такие деньги, пока палец не завис над последним пунктом:

«...*Наноботы* – 5 000 000 кредитов...»

Пять. Миллионов. Кредитов...

Пять! **Миллионов!** Кредитов!

Мышца в груди сократилась с такой силой, что я отстранённо подумала: будет очень глупо умереть от разрыва сердца, после того как в меня вложили *такие* деньги.

Дисплей на капсуле вспыхнул разноцветными лампочками, словно защитная сеть корабля, вошедшего в астероидный пояс. Не прошло и десяти секунд, как в каюту ворвался тот самый миттар со всклокоченными волосами и глазами, готовыми выпрыгнуть из орбит:

– Дженнифер! Что случилось?!

Взгляд дока остановился на договоре в моих руках. Он коротко выругался, набрал что-то на дисплее капсулы, воткнул трубку в катетер, которую мне пришлось вытащить, прежде чем отправиться исследовать каюту...

Нежно-розовая жидкость хлынула по трубке в мое тело.

– Вот так, девочка, вот так... Тебе нельзя сейчас так сильно нервничать... – ласково приговаривал он, заботливо помогая мне лечь. – Ты вставала, да? Зачем же так сразу?..

– Док, – я прервала его кудахтанье, – это правда? Я должна пять миллионов триста восемьдесят тысяч двести двадцать три кредита Особому Отделу?

– Правда. – Глаза цвета индиго смотрели на меня с сочувствием.

– И я теперь до конца жизни должна отрабатывать эти

деньги? Под вымышленным именем? В чужом теле? Не имея возможности пообщаться или хотя бы увидеть близких людей? И... я так понимаю, не имея права завести собственную семью?

Миттар вновь кивнул, а я почувствовала предательское жжение в глазах. Лучше бы я умерла, честное слово...

Когда-то я читала об отсталых планетах вне границ Федерации, где до сих пор процветает рабство. Но даже там рабам позволяется иметь семью и детей.

– А ребёнок?

Я вдруг озвучила вопрос, который меня совершенно не волновал до этого момента. Конечно, мама с папой намекали, что неплохо бы в тридцать три уже найти мужа и остепениться, что младшая сестра раньше меня умудрилась выскокить замуж, но я до сих пор к этому относилась спокойно. Ну не вышла – и ладно. Пока работаю, занимаюсь тем, что приносит удовольствие, отдыхаю, общаюсь. Тридцать три не предел детородного возраста даже для людей с Захрана, что уж говорить о прогрессивном Танорге.

– Дженнифер, вы теперь уже никогда не сможете иметь детей. Вы подписали договор.

Я будто оглохла от этих слов. Двести лет... Меня ожидают два века неизвестно какой работы на тайную организацию без отпусков, без выходных, без поддержки друзей и родных, без шанса хотя бы издалека посмотреть на их лица или сообщить, что Дженнифер Рэтклифф выжила...

А выжила ли?

Эта мысль стегнула по натянутым нервам, как вымоченная в солёной воде плеть.

– Я больше не Дженнифер. Зовите меня Джерри Клифф.

– Рад, что вы понимаете, что к чему. – Мужчина заметно успокоился. – А меня зовут Андрэ Джой.

– Приятно познакомиться, Андрэ, – произнесла дежурную фразу, ничуть не чувствуя, что мне это приятно, как и общество самого миттара.

Мужчина, ощутив моё состояние, решил удалиться. Когда белоснежная дверь отъехала в сторону, я спешно его окликнула:

– Андрэ...

– Да?

– Тут подпись договора скреплена оттиском моей ладони... той, что у меня была когда-то.

– Всё верно. – Мужчина напрягся. – Согласно закону ФОМ триста сорок четыре дробь пять, подписью договора может считаться подпись гуманоида, его оттиск ладони или пальца, поставленные добровольно. В исключительных случаях, как правило, относящихся к банковской сфере, принимается также отсканированный отпечаток сетчатки глаза.

– Я не об этом. – Мотнула головой. – У меня на момент операции была собственная *ладонь*. Но сейчас я вижу не свои кисти... чужие. Неужели мне нельзя было оставить мои руки?

Мужчина неожиданно замялся:

– М-м-м... Видите ли, Джерри, ваши руки сильно пострадали. Там были порваны сухожилия и мышцы, сломаны кости, вместо кожи – одни кровавые ошмётки. Конечно, можно было бы что-то с этим сделать... но сросшаяся ткань никогда не будет работать так, как новая. Объём и скорость сокращения мышцы, повышенный риск получения травм в будущем... уродливые рубцы – оно вам надо? Мы вставили вам титановую основу для этих маленьких ручек, а благодаря умным наноботам она будет удлиняться и менять форму по мере того, как ваше тело будет расти. Да вы теперь в армрестлинге любого мужчину уложите!..

Мужчина рассмеялся собственной шутке, а я в очередной раз почувствовала, что мне совершенно не смешно. Горько.

Уже тогда, когда я подписывала договор, сотрудники Особого Отдела видели во мне киборга. Мне не оставили совершенно ничего моего.

– ...Джерри, не стоит огорчаться так сильно. В конце концов, у вас теперь новое, молодое и выносливое тело. Многие об этом мечтают, – добавил док на прощание.

Ещё бы оно не было молодым и выносливым. Теперь я официально стою пять с лишним миллионов кредитов.

Какое-то время я лежала в капсуле и обдумывала всё сказанное. Договор с Особым Отделом дочитала до конца и, не увидев в нём ничего нового, взялась за документы, оставленные Элизабет. В отличие от договора на стандартной элек-

тронной бумаге, в папке эльтонийки оказался планшет. Я пожала плечами и включила его. Планшет так планшет, мне всё равно, с какого устройства читать информацию, лишь бы было написано на понятном языке.

Язык оказался обычным межгалактическим наречием, которое на Танорге преподаётся в обязательном порядке ещё в начальной школе.

«Особый Отдел Космического Флота является самостоятельной тайной организацией, которая имеет право набирать сотрудников, далее именуемых Агентами, как среди выпускников Академии Космического Флота, так и среди гражданских лиц Федерации Объединённых Миров...»

Ох, сколько формальностей... Видимо, это какая-то выдержка из Устава организации. Прочитала наискосок вступление, в котором не говорилось ровным счётом ничего, кроме того, что отныне всё, что я увижу, услышу и узнаю каким-либо ещё образом, я должна хранить в строжайшем секрете. А вот далее следовало описание специальностей, на которые делились агенты: алеф-, бета-, пси- и тау-классы.

Составитель данного документа явно считал агентов алеф-класса элитой среди всех остальных. Они позиционировались как гуманоиды, которые обладают отличными аналитическими способностями, могут предвидеть развитие событий, просчитывать вероятности их исполнения и, как следствие, принимать наиболее оптимальные решения. Они также обладают отличной физической подготовкой и при

необходимости могут вступить в контактный бой с противником, но чаще всего в сферу их задач входит шпионаж, дезинформация и участие в операциях, в которых слишком много неизвестных переменных. Агенты алеф-класса лучше других способны действовать по обстоятельствам.

Описание деятельности агентов бета-класса оказалось понятнее всего. Мысленно я их окрестила боевиками. Согласно документу, бета-класс прекрасно владеет всеми видами оружия, начиная от лазерной установки последнего поколения и заканчивая самодельными катапультами, какие используют некоторые отсталые расы вне Федерации.

На моей родной планете есть пословица, что настоящая таноржка может сделать из ничего шляпку, салатик и андроида. Так вот эти ребята умеют из ничего собрать дистанционно управляемую бомбу широкого радиуса поражения.

Информация об агентах тау-класса заинтересовала меня больше всего.

Компьютерные гении и хакеры, изобретатели всевозможных подслушивающих устройств, радиоглушилок и маячков, талантливые механики и программисты, способные в кратчайшие сроки проанализировать тонны данных, сопоставить факты и по малому количеству исходных сведений спрогнозировать ответ. В чём-то тау-агенты напоминали алеф-класс, но у них было одно принципиальное отличие: представители алеф-класса – полевые агенты, а тау- в основном сидели в серверных и мастерских и обслуживали всех тех, кто рабо-

тал «вне офиса».

Сердце впервые с момента взрыва встрепенулось с затаённой надеждой, когда я прочла описание этого направления. Возможно, ещё не всё потеряно и новая жизнь не станет для меня каторгой? Я всегда любила технику, и ковыряться в роботах мне доставляло удовольствие. Может, меня возьмут на тау-отделение?

Последним разделом шло описание агентов пси-класса. Вот здесь мне даже пришлось несколько раз перечитывать предложение за предложением, чтобы понять хоть что-то. Всё было написано настолько мудрёными словами, что я даже засомневалась в своём знании межгалактического наречия. Способности к гипнозу, внушение идей и мыслей, коррекция эмоционального фона и ещё много сложных слов, которые я коротко охарактеризовала бы так: «очень качественная промывка мозгов».

Несколько секунд смотрела на последний абзац, а потом попробовала провести по экрану пальцем вверх, чтобы вернуться к началу и перечитать документ заново. Вот тут-то меня и ждал неприятный сюрприз: планшет выдал сообщение об ошибке и завис. Я удивлённо пожала плечами, перевернула его и по привычке открыла корпус, чтобы посмотреть, не отошёл ли какой-нибудь контакт. Мне часто доводилось ремонтировать битую технику, и перегоревшие контакты, как показывала практика, являлись самой частой причиной поломок. Каково же было моё изумление, когда карта

памяти рассыпалась в мельчайшую труху прямо на глазах!

– «Вся информация должна остаться в стенах Особого Отдела», – задумчиво процитировала одно из первых положений прочтённого документа и тихо присвистнула.

Похоже, тот, кто создавал этот документ, с самого начала подразумевал, что я должна всё запомнить с первого раза. Мой безмолвный шок нарушили бесшумное открытие двери и тихий шелест гусениц домашнего робота.

– Ваш приём пищи, Джерри, – произнесла железка, поставив поднос с едой на столик рядом с капсулой.

Я рассеянно кивнула, машинально, не глядя, открыла крышку и взяла в рот первый попавшийся тубик.

– Фу, что это за дрянь?! – воскликнула, не удержавшись.

– Простите, в моём лексическом словаре нет такого слова.

– Что это за еда? – поправилась я, с недоумением разглядывая тубик.

На Танорге еда бывает разной по фактуре, размеру и цвету. Иногда её подают на тарелках, иногда в супницах, стаканах или даже сублимированных брикетах, иногда, как сейчас, в тубиках, но она всегда имеет достаточно приятный вкус.

– Это изолят соевого белка, аминокислоты, группа необходимых для человеческого ребёнка витаминов, мальтодекстрин...

– Стоп-стоп, я поняла, что это что-то очень полезное, – перебила робота. – А почему вкус резины?

– Это вкус белка. Со вкусом каучука еды нет, но я могу сделать заказ на будущее.

– Ладно, а каша или овощи у вас есть?

– Есть, но их употребление должно быть согласовано с доктором. До тех пор еда может быть только специализированная.

Я вздохнула и отпустила робота жестом. Да уж, не миттарские устрицы, но, видимо, съесть придётся.

После того как проглотила совершенно невкусную массу, больше напоминавшую пенопласт, легла в капсулу, прикрыла глаза и внезапно подумала об Элизабет.

Эльтонийка представилась пси-агентом, но на первый взгляд выглядела куда как менее профессионалом, чем тот же док.

Док. В его глазах сквозило сочувствие, от которого я нервничала ещё больше, а вот *Лиззи* с самого начала задала неформальный тон общения, почти что оптимистичный, и благодаря этому я практически не думала о том, что меня в одночасье лишили всего.

Вместо того чтобы предаваться горю и жалеть себя, я велась вполне спокойно. Пожалуй, Элизабет действительно высококласный пси-агент. Как там было написано? *Коррекция эмоционального фона, внушение идей и мыслей*? Она совершенно точно знала, как надо себя вести с пациентом.

А ещё, я готова поклясться, заранее выбрала мне имя и выстроила диалог таким образом, чтобы убедить, что это единственный благозвучный вариант. Джен, Ди-Джей, Дже-

фри – это ведь всё мужские имена. Ведь можно было сократить Дженифер до Дженни или Джоанны. Ладно, Джерри так Джерри, какая теперь разница?

Мысленно произнесла по слогам: Джер-ри. Раньше я не любила, когда моё имя хоть как-то коверкали или сокращали, но, видимо, придётся привыкнуть. Поёжилась от размышлений. Кажется, уже всё равно, как меня теперь зовут.

Чтобы как-то отогнать невесёлые мысли, включила головизор. Оказалось, что это очень удобно: можно лежать на спине и просто смотреть вверх. Не надо напрягать плечи, спину или шею, лежи себе и просто смотри. Почему на Танорге не встраивают головизоры в потолки?

Однако всё, что я находила на каналах, навевало на меня грусть. Блокбастеры с красочными взрывами вызывали неприятную дрожь и фантомные боли, передачи с рецептами блюд казались издевательством на фоне недоеденного тубика с изолятом соевого белка, а от картинок со счастливыми семьями и вовсе становилось горько и тошно.

Интересно, родителям уже передали новость о моей гибели? Как восприняла всё Диана? Несмотря на разницу почти в шесть лет, у нас с младшей сестрой всегда была особая связь и шутки, понятные лишь нам двоим. Когда в двадцать два она собралась замуж за Михаэля, я постоянно над ней подтрунивала...

Примерно с такими мыслями я провалилась в сон.

Глава 3. Сигма-класс

– Джерри, просыпайся! У нас не так много времени...

А? Что? Сколько времени?

По привычке глянула на запястье, но коммуникатора там не оказалось.

– ...Сейчас глубокая ночь по корабельному времени, но, к сожалению, я только-только освободилась, а завтра у меня уже задание вне стен «Безымянного».

– Безымянного? – переспросила удивленно, приподнимаясь на локтях.

Каюта подсвечивалась по периметру тёплым янтарным светом, исходящим от встроенных в плинтус диодных полосок. В этом свете кожа Элизабет сияла, делая ее похожей на золотую статуэтку. Эльтонийка сменила деловое платье на облегающий костюм со множеством кармашков, крючков, швов, молний и ремней и слишком толстым для обычной ткани воротником.

Я готова была поспорить на что угодно, что каждый сантиметр этого диковинного костюма тщательно продумывался целой армией швей. Я даже хмыкнула от удивления. На Танорге вся одежда шилась роботами. Она была качественной, разнообразных оттенков, из разных материалов и на любой вкус – платья, штаны, рубашки, комбинезоны, юбки, кофты, купальники, – но ничего подобного я до сих пор не ви-

дела. Будто сумасшедший гений-дизайнер потратил годы на то, чтобы сделать что-то в меру красивое, в меру удобное и при этом крайне функциональное.

Мысленно я отметила, что внушительная грудь и крутые бёдра эльтонийки в этом необычном одеянии выглядели ещё аппетитнее, чем в платье. Хотя что это я? Это же представительница Эльтона, они там все красотки с рождения!

– У тебя будет такой же, – проследив за моим взглядом, сообщила Элизабет. После тщательного анализа нашего разговора у меня язык не поворачивался назвать её Лиззи. – И коммуникатор, и многое другое. Тебе всё выдадут, но, чтобы понимать, что именно потребуется, надо определиться с твоим дальнейшим направлением. Кстати, ты прочитала всё, что я тебе оставила?

– Да. – Взгляд сам собой метнулся к планшету. Чувствуя внутренний дискомфорт, добавила: – Только карта памяти рассыпалась буквально сразу, как я закончила читать.

– Всё правильно. – Ничуть не расстроившись, эльтонийка кивнула. – Самоуничтожающаяся карта памяти – обыденность для нашей организации. Привыкай, что всё действительно важное может храниться только тут. – Указательный пальчик с идеальным маникюром дотронулся до виска. – Если не запоминаешь несколько страниц наизусть с первого прочтения, то память придётся тренировать.

Я никогда не жаловалась на память, наоборот, гордилась, что могу сходу запомнить от десяти до пятнадцати цифр, но

известие Элизабет меня шокировало.

– Ничего, у тебя будет время для тренировок, не волнуйся. – Пси-агент по-своему поняла моё молчание. – Так какую специализацию ты выбрала?

– Тау-класс, – без запинки ответила я.

– Хм-м-м... тау-класс... – Изящные малиновые брови сдвинулись на переносице.

– Да, это то, что мне больше всего подходит. – Почему-то почувствовала порыв объясниться. – Я с Танорга, у меня классическое для моей планеты техническое образование и неплохие навыки в сборке-разборке-ремонте роботов...

– Видишь ли, это не совсем то. – Элизабет покачала головой. – Во-первых, весь твой опыт касается бытовых роботов, так?

– Ну... да.

– Наша организация не занимается такими вещами. Тау-специалисты собирают *особых* андроидов, которые помогают алеф- и бета-агентам. Это крошечные подслушивающие жуки, улавливающие вибрацию стекла в закрытом помещении, умное оружие из специальных материалов, которое невозможно обнаружить обычными методами, самонаводящиеся электромагнитные бомбы...

– Но есть же ещё программное обеспечение...

– И оно такое же, – жёстко перебила меня Элизабет. – Программы декодирования зашифрованного текста в минимально сжатые сроки, маскировочные сети с симуляцией

природных материалов для секретных объектов, перехватывающие вирусы...

– Всё-всё, я поняла и ничего такого, к сожалению, не делала до сих пор!

– Вот именно. Да, не спору, у тебя есть хорошее образование и предрасположенность к компьютерной сфере, но никакого опыта. На агента тау-класса тебя придётся также натаскивать со всеми, как и на любой другой класс, с той только разницей, что усваивать ты будешь чуточку быстрее. Однако во всём этом есть одно большое «но».

– Какое?

– Тау-класс – это офисный планктон. Они безвылазно сидят на флагмане, иногда онлайн страхуют партнёров из какого-нибудь шаттла на орбите планеты, но всегда находятся где-то позади, в тени. Их легко заменить. Да-да, не смотри на меня так! Вопреки всему вышеперечисленному, выпускники Академии Космического Флота очень хороши в технике, прекрасно разбираются в боевых кораблях и оружии. Лишь при небольшом дополнительном образовании из них получаются отличные тау-специалисты, впрочем, как и бета-агенты из тех, кто заканчивает боевое направление Академии.

– Ты хочешь сказать, что тау-агентом мне не быть?

– Не быть, – подтвердила Элизабет. – Но даже не столько потому, что ты не подходишь, сколько потому, что в Особом Отделе все места на тау- и бета-спецов уже распределены заранее, а у тебя имеется очень редкая и дорогостоящая

особенность – наноботы. С такой разработкой внутри твоего организма со стороны Особого Отдела было бы просто преступлением оставить тебя на флагмане копать в пыльных микросхемах и проводах. Операция улучшила тебе многие органы и части тела. Несмотря на то что ты выглядишь как маленькая девочка самой слабой расы, входящей в состав Федерации, ты уже сейчас сильнее и выносливее любого среднестатистического миттара или пикси мужского пола без спецподготовки. Такими преимуществами непременно стоит воспользоваться.

Ох... В эту секунду на меня навалилось понимание, что всё это время мною умело манипулировали и давали лишь иллюзию выбора. На самом деле уже давно кто-то сверху сделал выбор, какому ремеслу меня будут учить, а сейчас Элизабет лишь очень тонко и постепенно подводит к этому решению. Почему? Ответ очевиден: человек, поверивший в то, что это его осознанный выбор и желание, будет работать усерднее, чем человек, которого заставляют из-под палки. Умно... Ничего не скажешь. А ведь титановую основу вместо костей мне вставили ещё тогда, когда я валялась без сознания, хотя в этом не было никакой необходимости. Скорее, чтобы проверить своё решение, чем из каких-то других соображений, я промямлила:

– Наверное... я смогла бы ещё стать... пси-агентом...

– Нет, Джерри, пси-агенты – особая каста. Тут уж прости, но, сколько бы ты ни старалась и ни тренировалась, если у те-

бя нет определённых задатков с рождения, пси-классом тебе не стать никогда.

Что и требовалось доказать...

– ...Я предлагаю тебе хорошенько подумать над тем, чтобы стать алеф-агентом. Это своего рода элита. С твоими данными ты сможешь стать потрясающим, непревзойдённым агентом алеф-класса. У тебя есть тело, которое в ближайшие годы можно сформировать так, как тебе захочется. Любой цвет волос, глаз, размер груди и бёдер – я это уже говорила. Наноботы поддаются программированию, и пока ты растёшь, можно всё менять. Зачастую алеф-агенты работают под видом знаменитых личностей, и...

Я уловила микроскопическую паузу. Если бы раньше не занималась обучением речи роботов, то точно бы не услышала её. Но она была. Элизабет чуть не сказала слово «зарплата» или «кредиты», но успела вовремя себя одёрнуть. Какая зарплата в моём случае, когда я должна пять с лишним миллионов? Да не существует такой работы, которая могла бы покрыть эти расходы!

Пси-агент умело закашлялась, словно подавилась слюной, и продолжила заливаться соловьём:

– ...Это очень яркие женщины и мужчины, которые могут позволить себе практически всё. А ещё руководство закрывает глаза на мелкие интрижки алеф-агентов, потому что сами задания иногда подразумевают физическую близость...

– Физическую близость? – ошеломлённо переспросила я,

подумав, что ослышалась.

– Ну, если потребуется украсть информацию у какого-нибудь шейха с Марронии, то стать его наложницей – самый лёгкий и очевидный вариант. Конечно, среди агентов алеф-класса встречаются те, кто принципиально отказывается от заданий, где подразумевается близкий контакт...

– Но в моей ситуации такое невозможно, – мрачно закончила я за Элизабет.

– Джерри, не переживай так сильно. В конце концов, если наладишь хорошие отношения с руководством, то тебе вообще не будут давать таких заданий. Твоему телу сейчас всего шесть, а значит, ближайшие пятнадцать лет до совершеннолетия по межгалактическим стандартам тебе не о чем волноваться, – оптимистично заявила эльтонийка, всячески продолжая склонять меня к выбору специальности агента алеф-класса.

На её лице сияла добродушная улыбка, однако по дёрнувшейся на миг кисточке на конце хвоста мне показалось, что девушка далеко не так спокойна, как хочет показаться.

Хм-м-м... пятнадцать лет – это, конечно, замечательно, но что будет потом? Сомнительно, что кто-то разрешит мне поменять профиль. Понятие физической близости без взаимных чувств даже ради какой-то высокой цели было для меня чем-то немыслимым.

Танорг не просто самая технологичная планета в Федерации, но также и планета с наименьшим процентом пре-

ступности. Ни воров, ни насильников, ни убийц... только подростки, которые среди ночи пробираются в гравитационный парк, чтобы погонять на аэросёрфах, да ночные стрейсеры. О каких серьёзных правонарушениях может идти речь, когда каждый горожанин совершенно бесплатно получает качественную еду, хорошее жильё и регулярные путёвки на курорты от Аппарата Управления Планетой?

Что касается интима, то и для этого дела существуют биоандроиды и всевозможные роботизированные игрушки на любой вкус и цвет, как говорится. С рождаемостью, как ни странно, на Танорге всё в порядке – не пусто и не густо. Как следствие, люди сходятся друг с другом и заводят семьи далеко не из-за низменных потребностей, а именно потому, что *действительно* хотят быть друг с другом.

Понятие «мелкая интрижка» мне тоже было чуждо. Я слышала, что у эльтоники в этом плане нет никаких запретов, скорее, наоборот. На их планете рождаются лишь девочки, а потому, покидая родные края, они не пропускают ни одних штанов. Ведь когда ещё удастся встретить настоящего живого мужчину?

Но я тридцать три года прожила в благополучной семье на Танорге и не планировала заводить никаких интрижек в принципе.

Конечно, у меня были молодые люди, но с каждым из них мы встречались достаточно долго. Гавриил ухаживал за мной почти четыре курса в институте, водил в планетарий

любоваться звездами, дарил цветущие пустынные кактусы и фигурки из застывшей лавы. С ним было познавательно, но скучно. Вначале каждое свидание начиналось очень интересно, но в конце оно перерастало в нуднейшую трёхчасовую лекцию об отличиях астероидов от метеоритов, видах и периоде цветения растений экваториальных широт и способах обработки магмы. А ещё Гавриил был невероятно, просто фантастически худым. Рядом с ним я чувствовала себя толстой, хотя таковой никогда не являлась. Дальше поцелуев за четыре года у нас так ничего и не продвинулось.

Второго молодого человека звали Любомир. Одно это необычное имя полностью описывало его характер. Любомир постоянно делал мне комплименты, хвалил и дарил подарки... себе. Но с ним было действительно весело. Наверное, после скучнейших отношений с Гавриилом во мне на пятом курсе проснулась маленькая хулиганка, вдруг узнавшая, что, пока она ходила по планетариям и любовалась кактусами, остальные студенты отжигали в ночных клубах, снимали на ночь биоандроидов, гоняли на флаерах над центральным озером, забирались в магнитных кошках на вершину самого высокого небоскрёба Танорга.

Любомир стал моим первым мужчиной. Он действительно был очень хорош собой. Когда впервые снял передо мной рубашку, я даже ахнула, так как до сих пор в непосредственной близости видела и могла потрогать лишь тщедушное тело Гавриила. Пожалуй, с Любомиром я провела свои три са-

мых отвязных, самых весёлых и самых сумасшедших года.

Моя младшая сестра была уверена, что мы поженимся. Родители снисходительно улыбались, но никогда не лезли в личную жизнь, за что я им была глубоко благодарна. Однако годы шли, я окончила университет, получила диплом и в какой-то момент поняла, что мне вновь скучно. Надоело бегать по одним и тем же вечеринкам, неинтересно ходить в иллюзионы на однотипные комедии и блокбастеры, а магнитные кошки не такое уж и безопасное развлечение: если в какой-то момент магнит слишком сильно нагреется о поверхность здания, то... Да и глупо это – рисковать вот так бездарно своей жизнью и бегать от охраны здания, если можно совершенно спокойно днём посетить скалодромный парк с батутами, в которых есть шлем, страховочный трос, специальная амуниция и бригада дежурных доков. Нас с Любомиром всё ещё связывал потрясающий секс, но в тот момент, когда мне вдруг стало интереснее помогать в лавке отцу, я с грустью поняла, что мы с моим первым мужчиной совершенно разные люди. Расстались легко. Как оказалось, к этому моменту и сам Любомир начал тяготиться нашими отношениями.

Несколько лет подряд я безвылазно проводила в лавке отца, собирала и ремонтировала роботов, обновляла программное обеспечение, обучала искусственные интеллекты. Это было интересно и всегда разнообразно. Как ни удивительно, но мне действительно нравилась эта работа, а тот

факт, что на мой счёт ещё и добавляются кредиты, приятно грел душу.

Так я и жила спокойной размеренной жизнью, пока в нашу лавку однажды не зашёл Давид. Интеллигентный, остроумный, красивый. Он не обладал такой потрясающей внешностью, как Любомир, но и самовлюблённостью тоже. С ним было хорошо, а самое главное – он поддерживал моё стремление работать, потому что и сам в некоторой степени работал – создавал уникальный дизайн внутренних помещений для частных космических яхт. Чаще всего его клиентами становились страдающие в космосе от нехватки влаги митары и шестирукие пикси, для которых стандартное оснащение было просто неудобным.

Давид стал моим вторым мужчиной. Он оказался старше меня на двадцать пять лет, но первое время я не придавала этому большого значения. Ходила на свидания, общалась, радовалась тому, что нашла человека, который мыслит, как я, и хочет работать, ведь это на Танорге редкость. Мне казалось, что у нас всё замечательно, пока однажды Давид не сообщил, что ему надоели эти непонятные отношения и либо я выхожу за него замуж и срочно рожая детей, либо он будет искать другую женщину, ведь у него уже «возраст». Я попросила сделать паузу и дать мне время на размышления, чтобы всё обдумать. Видимо, думала слишком долго, так как, придя к нему на работу, обнаружила Давида целующимся с хорошенькой пиксиянкой. К слову, две из шести рук молодой

особы очень нагло залезли в штаны моему молодому человеку. Давид решил всё за нас.

Все эти воспоминания вихрем пронеслись в голове, и я поняла, что на «мелкую интрижку» в принципе не способна. Да и разовая физическая близость, пускай даже ради дела, – противно.

– Я не хочу быть агентом-алеф класса.

Элизабет осеклась, а я добавила:

– И внешность, фигура, всё, что ты перечислила, – тоже не хочу. Я устала от экспериментов, и мне не нужно совершенное тело. Мне нравилось то, в котором я была раньше.

Лиззи тяжело вздохнула и покачала головой:

– Ты хотя бы осознаёшь, от чего отказываешься? Этот биоандроид создавался в лаборатории и ещё не развился полностью. Тебе даже не придётся делать маммопластику...

Взгляд сам собой задержался на груди эльтонийки. Да уж, если даже я с трудом смогла отвернуться, то представляю, каково мужчинам. Ещё никогда я не видела таких шикарных женщин, как Элизабет. Каким-то невероятным образом она даже в спортивном комбинезоне выглядела ослепительно.

– И всё-таки я хочу быть обычной, – произнесла с нажимом. – В идеале – такой же, какой была.

– Нет, такой же не получится. Лицо точно будет новое. Старая биометрия, сама понимаешь, есть во множестве баз данных. Никто не должен тебя связать с Дженнифер Рэтклифф. На задании можешь встретить кого-то из знакомых,

кто тебя узнает. Потом проблем с зачисткой памяти не оберёшься. Оно тебе надо?

Рассеянно качнула головой. Нет, такого мне не надо. Не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал.

– Глаза... они у тебя сейчас зелёные, красивые. И цвет волос хороший. Подумай ещё раз, ты точно хочешь стать той серой мышкой, какой была раньше? Вы же – таноржки – все одинаковые: смуглые, щуплые, кареглазые. Ладно, давай вопрос о внешности отложим на потом. В конце концов, в любой момент всё можно изменить, даже той же старой доброй операцией. Вопрос в другом. Ты абсолютно точно уверена, что не хочешь стать агентом алеф-класса?

В голосе малинововолосой красавицы прозвучали нотки надежды.

– Не просто не хочу, а не смогу. Не справлюсь. Это же придется постоянно быть у всех на виду, менять личины, образы... – С усмешкой вспомнила, как уже в двадцать два мне надоели клубы и рискованные затеи, проводимые Любомиром. – Ты сама сказала, что агенты алеф-класса – очень яркие личности. Я так понимаю, что все удачливые шпионы в первую очередь первоклассные актёры, они должны уметь в любой момент отыграть эмоции на публику. Я не справлюсь. У меня просто нет таких задатков.

– О-о-ох, что же с тобой делать-то... – Элизабет тяжело вздохнула и покосилась на наручный коммуникатор.

Мне даже стало немножко неудобно. У неё уже через

несколько часов новое задание, а она тут полночи пытается подобрать мне специализацию в их сверхсекретной организации. С другой стороны, я не просила меня спасать ради такой жизни.

– А тау-классом точно стать нельзя? – вновь закинула я удочку.

– Начальство не одобрит запрос. – Эльтонийка мотнула головой, закусив губу. – Если бы у тебя не было наноботов, тогда ещё был бы вариант, а так точно без шансов.

От слов девушки повеяло колючей прохладой, и я поёжилась.

– Что же тогда будем делать?

– Есть один вариант... – Девушка задумчиво смерила меня взглядом. – Правда, я не уверена...

– Какой?

Элизабет немного помолчала, затем прошлась по каюте, нажала что-то на дисплее управления помещением и, когда из соседней стены поднялась панель и выехала табуретка на высоких ножках, ловко уселась на неё.

– В документе, что я тебе передала, представлены лишь основные специализации агентов. Но есть ещё одна, про которую руководство обычно редко вспоминает. Это... м-м-м... сложно объяснить. Этих агентов очень мало, и они... не совсем принадлежат себе. Хотя в твоём случае ты и так себе не принадлежишь... – задумчиво произнесла эльтонийка.

– Расскажи подробнее. – Я облизала губы, потому что они

внезапно пересохли.

Что-то было в интонациях собеседницы... особенное. Или же мне так отчаянно хотелось, чтобы это стало выходом из ситуации? Не знаю.

– Агенты сигма-класса – своего рода уникамы-одиночки, – заговорила Элизабет. – В отличие от всех остальных агентов, это единственный класс специалистов, который принципиально работает в одиночку. У них никогда не бывает страхующих напарников, не к кому обратиться за помощью, некому их заменить, если задание оказалось невыполненным, а исполнитель получил тяжёлое ранение.

– Допустим. – Я кивнула. – Что по обязанностям? Я так понимаю, это полевые агенты? Иначе этот вариант ты мне не предложила бы.

– Всё верно – полевые. Если говорить про обязанности, то нечто среднее между телохранителем, помощником и личным секретарём – всё зависит от того, к кому ты попадёшь и какие функции на тебя возложат.

– К кому попаду? – Я неслабо удивилась. – А разве это не будут разовые задания от Особого Отдела?

– М-м-м... не совсем. Как правило, сигма-агентов арендуют, если так можно выразиться, у Особого Отдела. Стандартный срок договора – десять лет, и на это время специалист полностью переходит в подчинение купившего его гуманоида. Не смотри на меня так. Это у людей маленькая продолжительность жизни, а для цваргов или эльтониек –

пшик. Ты, считай, заново родилась и, как говорит Андрэ, а он у нас ошибается редко, двести лет проживёшь как минимум. Представь, каково гуманоиду, нанявшему сигма-агента за колоссальные деньги, всему учить помощника? Я бы сказала, что на моей практике, сколько слышала о сигма-агентах, обычно происходили лишь две крайности: либо по каким-то причинам владелец контракта выплачивал неустойку Особому Отделу и отказывался от сигмы в первый же год после приобретения, либо, наоборот, спустя десять лет контракт продлевался ещё на двадцать, тридцать, а порой даже пятьдесят лет.

Мороз прошёл по коже после этих туманных объяснений.

– Знаешь, звучит очень странно... как будто узаконенное рабство.

– Знаю. – Эльтонийка серьёзно кивнула. – Именно поэтому в контракте прописывается, что раз в три года сигмы в обязательном порядке должны проходить проверку у пси-агентов, даже если они работают вне «Безымянного» на каких-нибудь задворках Вселенной. Если вдруг выясняется, что психика сигма-агента нестабильна или ей что-то угрожает, то агент изымается у владельца, а владелец попадает в чёрные списки Особого Отдела.

– Раз в три года... бр-р-р...

– Да, понимаю, тебе сейчас кажется, что это нечасто и за три года может произойти многое. Но, поверь, бывалые агенты воют от того, как часто им приходят направления на при-

ём к моим коллегам. Полевики терпеть не могут эти процедуры, неважно, к какому классу они относятся – алеф-, бета- или сигма-. Нас даже ласково за глаза называют психами, думая, что мы об этом не знаем. – Элизабет улыбнулась.

– А что касается физического состояния?

Элизабет пожала плечами:

– Тут уж каждый за себя. Мы все рискуем, боевики со своими взрывчатками в особенности, но опасные ситуации могут выпасть на долю каждого. От этого никто не застрахован. Но тебе не о чем волноваться. Всё-таки наноботы, титановый каркас, повышенный болевой порог... Если тебя не будут расстреливать в упор из пневмопушки – выживешь.

Звучит ободряюще. Я передёрнула плечами, представив, каково это, когда тебя расстреливают в упор. Конечно, после пережитого взрыва на лайнере, казалось бы, я уже ничего не должна бояться, но нарваться на такое не хотелось бы.

– Я имела в виду другое... М-м-м... Ты там говорила, что алеф-агентам иногда приходится идти на близкий контакт с объектом, чтобы выудить информацию...

Вопрос прозвучал коряво. Понятия не имею, почему меня это волновало, особенно с учётом того, что я находилась в теле шестилетней девочки, но волновало.

– Пф-ф-ф, – фыркнула Элизабет. – Вот о чём-чём, а о личной жизни можешь забыть раз и навсегда. Не удивлюсь, если ты умрёшь в какие-нибудь двести тридцать пять девственницей. Личные владельцы – не организация. Тебе придётся

двадцать четыре на семь – или сколько там часов в сутках в зависимости от планеты – находиться при объекте охраны, помогать, оберегать или просто играть роль невидимки. Но всегда рядом. Ты станешь тенью того, кто тебя купит. Многие отмечают, что после тридцати-сорока лет работы на хозяина сигма-агенты способны предугадать любое его желание лишь по форме того, как изогнулась надбровная дуга. Если, будучи алеф- или бета-агентом, ты имеешь перерывы между заданиями и можешь снять напряжение с кем-нибудь из коллег или на самом задании, то, став сигмой, ты себе это не сможешь позволить.

М-да, кто о чём, а эльтонийки о возможности необременительных отношений. С другой стороны, Элизабет говорила на эту тему настолько легко, что, несмотря на приливший к щекам жар и чувство неловкости, я уточнила:

– А сам владелец может... ну... принудить?..

– Владелец контракта? – Элизабет посмотрела на меня широко распахнутыми глазами и звонко рассмеялась. – Ух, скажешь тоже! Кажется, ты всё ещё не понимаешь, кто такие агенты в принципе. Объясняю доходчиво: аренда одной единицы сигма-класса на десть лет стоит *столько*, что дешевле выкупить все бордели на Тур-Рине разом. Это просто нерентабельно – таким образом использовать сотрудника Особого Отдела, я уже молчу о том, что гуманоиды, которые могут себе это позволить, не просто богаты, а неприлично богаты. Как правило, стоит целая очередь из женщин, которые с ра-

достью запрыгнут в постель к твоему будущему владельцу, и, скорее всего, тебе придётся отгонять их от него кулаками и бластером. Кстати, именно поэтому я вновь рекомендую задуматься о будущей внешности. Когда рядом с мужчиной находится *действительно* роскошная девушка, то тех, кто отважится у неё его увести, становится гораздо меньше. Ты многое потеряешь, если не воспользуешься этой возможностью.

Я потёрла лоб от усталости и... оглушительно зевнула.

– Вижу, что ты ещё окончательно не пришла в себя. – Эль-тонийка поднялась с табуретки. – Ладно, спи, восстанавливайся, набирайся сил. Со специализацией ты, надеюсь, определилась? Больше тебя ничего не пугает? – спросила она почти что насмешливо, и янтарные глаза сверкнули в полутьме жидким золотом.

– Нет, больше ничего не пугает, – ответила, понимая, что уже действительно примеряю на себя шкуру агента сигма-класса. – А кто обычно выкупает себе таких спецов? И для чего?

Элизабет пожала плечами:

– Да все по-разному, но самые частые клиенты Особого Отдела – мужчины-пикси. Они, как правило, делают упор на боевых и коммуникационных навыках специалиста.

Я хмыкнула. Да уж, на Пикси царит весьма жёсткий матриархат, неудивительно, что они набирают себе сигма-агентов.

– Иногда обращаются миттары. Это весьма мирная раса, но на их планете постоянные проблемы с извержением подводных вулканов, которые приносят огромные свеллы и цунами. Там своя специфика, сигма-агенты в основном охраняют владельца контракта от буйства стихии. Совсем редкими клиентами являются цварги.

– Цварги?..

Я напрягла память, пытаюсь вспомнить хоть что-то об этой расе. Среди туристов на Танорге я ни разу их не видела.

– Весьма малочисленная раса, на десять мальчиков рождается две, от силы три девочки. Обычно цваргиням запрещается покидать родную планету, пока они не выйдут замуж, да и при таком раскладе им нужно разрешение от самого Аппарата Управления Цваргом. Но это всё не так важно, как то, что мужчины их расы обладают чувствительными к мозговым колебаниям наростами на голове. Здесь, на «Безымянном», есть несколько цваргов среди агентов, ты их сразу узнаешь по тёмно-фиолетовой коже и обсидиановым рогам. Представители этой в чём-то уникальной расы утверждают, что эмоции других гуманоидов для них пахнут, как для нас пахнет еда. Именно поэтому цварги очень не любят нанимать сигма-агентов – всё время морщатся и кривят носы, мол, им «невкусно пахнет». Одно дело – разово пообщаться с кем-то, ну или с некоторой периодичностью видеть гуманоида, а другое дело – когда он непрерывно находится рядом. Это разные вещи.

Я вздохнула. Понятно, значит, скорее всего, меня пристроят либо к шестирукому мужчине для охраны от прекрасных представительниц его же расы, либо к миттару. В последнем случае надо будет заранее научиться надолго задерживать дыхание и быстро плавать.

Элизабет, удостоверившись, что у меня больше нет вопросов, направилась к выходу, попутно набирая что-то на дисплее управления каютой. Табурет исчез за вертикальной панелью стены так же быстро, как и появился.

– А почему я, кстати, не понимаю этого языка? – Я очнулась в тот момент, когда дверь-слайдер отъехала в сторону.

– Это же «Безымянный», флагманский корабль Особого Отдела, – пояснила эльтонийка словно нечто само собой разумеющееся.

Видимо, это должно было многое мне объяснить, но вместо этого мысли скакнули к словосочетанию «флагманский корабль». Я много раз ездила мимо космопорта Танорга и интересовалась космическими кораблями, поскольку они тоже являлись техникой. Флагманами называли не просто огромные лайнеры или крейсеры, флагманами называли крупные *вооружённые* судна военных и частных охраняемых предприятий.

Болезненная догадка, как магнитная вспышка на солнце, пронзила моё сознание. Сердце пропустило удар, а горло на миг сжалось, не пропуская воздух в лёгкие.

– Это ведь были вы, да? Из-за «Безымянного» взорвался

рейсовый пассажирский лайнер? Мы летели на Зоннен, там просто не было ничего, что могло бы стать причиной взрыва.

Лицо Элизабет неуволимо изменилось. Как только я начала говорить, она стремительно что-то набрала на панели каюты, и свет отключился, впрочем, как и вентиляция. Потухли лампочки на регенерационной капсуле. В абсолютной тишине и в тусклом свете звёзд из иллюминатора она подошла ко мне и прошептала в самое ухо:

– Молчи о догадке, Джерри, если не хочешь проблем на свою прекрасную головку. – И, уже выпрямившись в полный рост, добавила: – И всё-таки я тебе рекомендую задуматься о карьере агента алеф-класса. В проницательности тебе не отказать.

С её уходом жёлтая диодная подсветка и шуршание вентиляции возобновились. Вспыхнул салатовым свечением дисплей на регенерационной капсуле, а я поёжилась.

Одним коротким ответом Элизабет дала понять мне две вещи. Во-первых, катастрофа с гражданским лайнером – действительно дело рук, а точнее, ракет «Безымянного». Скорее всего, это было случайностью, роковой ошибкой таинственного руководства, но Особый Отдел ни перед кем не отчитывается. Именно поэтому, чувствуя за собой вину, кто-то неведомый свыше отдал распоряжение спасти мне жизнь, даже вводом столь дорогостоящей сыворотки.

А во-вторых, эльтонийка ненавязчиво сообщила, что помещение прослушивается, а возможно, и просматривается

скрытыми камерами.

Чувствуя, что голова начинает болеть от всех этих мыслей, я удобнее улеглась в капсулу и заснула.

Глава 4. Лоретт

После ночного разговора с Элизабет дни завертелись. Утром зашёл Андрэ и проверил моё состояние, что-то подкрутил в настройках капсулы, спросил о самочувствии и убил мою надежду на получение нормальной пищи.

– Джерри, тебе минимум пять лет придётся питаться изолятами белка и аминокислотами. У тебя донорское тело экспериментального биоандроида. Часть внутренних органов, в том числе кишечник, ещё не полностью развиты. Всё, что я могу, – это попросить добавлять искусственные вкусовые добавки в блюда.

Как позднее оказалось, пенопласт с запахом синтетической клубники на вкус ещё более омерзителен, чем просто пенопласт. Но человек – удивительное существо – со временем привыкает ко всему. То, что в первый раз кажется просто несъедобным, на второй уже попадает в категорию «всё ещё отвратительно, но кушать-то хочется», а к десятому приёму пищи и вовсе занимает позицию «любая еда лучше, чем болезненные уколы витаминов и капельница с глюкозой».

Миттар был безупречно вежлив и предупредителен, но меня не оставляло ощущение, что он беспокоится не столько обо мне, сколько о вложенных в моё тело имплантах, наноботах и прочих вещах, суммарно стоящих как несколько космических кораблей класса Спейс-Х.

Уже через три дня к визитам Андрэ присоединилась молоденькая пиксиянка Лоретт, сообщив, что она тренер по физической подготовке для бета-агентов и с этого дня будет по несколько часов в день учить меня управляться с новым телом. Поначалу я удивилась – зачем мне её помощь? Но когда я полностью оклемалась и попробовала взять стакан с водой в руку, он лопнул в моих пальцах, словно проколотый иглой воздушный шарик. Так и начались мои первые уроки. Сначала они проходили в медицинском блоке, но уже через два месяца меня перевели в личную каюту.

– Вот металлический прут. Попробуй его согнуть, но очень аккуратно. – Лоретт протянула мне прутик диаметром в полсантиметра с заострёнными концами.

Я удивлённо пожала плечами, взялась за концы и медленно стала сдавливать их, формируя из палки букву «с». Прут поддавался легко, я даже практически не прикладывала усилий, но в какой-то момент пальцы заскользили по гладкой поверхности, и кончик железки проткнул мою ладонь.

– А-ай! – Я не удержалась и поморщилась.

Несколько алых капель упали на пол, и тут же из раздвижной панели выехал робот и стал тщательно вытирать поверхность тряпкой.

– Я же сказала, что ты должна действовать аккуратно! – Пиксиянка поджала губы, а две из её шести рук безвольно опустились вниз. – Ты поспешила.

Я почувствовала себя действительно бездарным ребён-

ком, который не может научиться складывать один и два. Поспешила, не поспешила – какая разница? Результат же есть. Я плюнула на жжение в ладони и сложила дурацкий металл пополам.

– Вот, я выполнила поставленную задачу. А рука, швархи с ней, заживёт. Тем более боли почти не чувствую.

Я разглядывала рану на ладони.

– Твой болевой порог поменялся из-за воздействия наноботов на нервную систему, – раздражённо ответила пикси-янка, – но это не значит, что ты должна безответственно относиться к собственному телу.

Собственному – ага, как же!

– Не понимаешь? – переспросила Лоретт, а затем взяла у меня металлическую палку и, держа её тремя руками, ещё тремя ловко завязала в узел, словно это была верёвка из самых обычных прядильных волокон.

– Но ка-а-ак?! – Я с изумлением посмотрела на хрупкую с виду девушку. Пшеничные волосы до лопаток, аккуратное лицо, чуть приплюснутый большеватый нос, плотный чёрный костюм, точь-в-точь как у Элизабет, разве что закрывает шею целиком и с перчатками. Единственное – шесть рук вместо привычных двух. – На вид ты просто девушка, такая, как я была раньше. У тебя тоже наноботы?

– Нет! – резко оборвала меня Лоретт. – Во-первых, никогда и никому не говори о том, что в твоём теле присутствуют эти молекулы! Даже слова такого не произноси! Меня посвя-

тили в тайну сыворотки, но *ты больше никому не сообщашь эту информацию!* – С нажимом, глядя прямо мне в глаза, она словно отчитывала меня. – Неужели тебя не предупредили? – Она прищурилась, а я промолчала в ответ. – Не будь ты сейчас на «Безымянном», они бы просто разнесли твой мозг к шварховой бабушке! Для Особого Отдела очень важно сохранить секрет сыворотки любой ценой, и если ты кому-нибудь ещё ляпнешь про наноботов, вопроса выбора, наплевать на вложенные в тебя деньги или сохранить тайну, не встанет. Поняла?!

Я сглотнула и судорожно передёрнула плечами. Такой исход событий как-то не приходил мне в голову.

Мой запоздалый кивок и ошалелый вид смягчили Лоретт, и продолжила она уже более терпеливо:

– ...Во-вторых, настоятельно рекомендую тебе поскорее забыть прошлое и избавиться в речевых оборотах от конструкций «кем я была раньше», «в моей прошлой жизни» и так далее. Здесь никого не интересует прежняя Дженнифер, – снова жёстко одёрнула меня Лоретт. Умом я понимала, что она права, но всё равно было немного обидно слышать такие бездушно-холодные слова. – А насчёт внешности ты права, – продолжила пиксиянка, переключая внимание, – никто в здравом уме не сопоставит меня с трёхкратным чемпионом боёв без правил на спутнике Карридо.

Я потрясённо выпучила глаза. Карридо – планета-тюрьма с ядовитыми испарениями, на которой преступников застав-

ляют добывать полезные для Федерации минералы, а на её спутнике ежегодно проводятся самые жестокие бои без правил не на жизнь, а на смерть, так как бойцам уже давно нечего терять.

Ядовитые испарения Карридо вызывают судороги, галлюцинации и сильнейшие боли. Даже самые здоровые гуманоиды могут прожить в этом адском месте от силы пять-восемь лет, а обычный человек не более года – слишком велика радиация и влияние атмосферы.

Нам рассказывали об этой планете ещё в школе, на уроке мировой политики, и уже тогда я была шокирована тем, что некоторые гуманоиды могут вот так просто записаться на бой, понимая, что в случае победы максимум, на что могут рассчитывать, – перевод на месяц на какой-нибудь астероид с более мягкими условиями, а в случае проигрыша наверняка расстанутся с жизнью.

«Не всегда смерть – это плохо, – сообщил тогда ошеломлённому классу учитель. – Бывают такие ситуации, когда смерть – это награда».

Я смотрела на шестирукую блондинку, и в голове у меня всплывали тысячи вопросов. Как она оказалась на спутнике Карридо? Было это заданием или её кто-то подставил? Может, она сидела в тюрьме за какие-то преступления и Особый Отдел её выкупил? Как смогла выжить среди ядовитых испарений?!

– Не спрашивай, – криво усмехнулась пиксиянка, пре-

красно прочитав на моем лице эти вопросы. – Всё, что могу сказать, – в награду за успешное выполнение поставленной задачи на Карридо мне разрешили отойти от полевых заданий, и теперь я просто тренирую бета-агентов на «Безымянном».

Лоретт протянула мне связанный узлом прут, рукав её комбинезона чуть-чуть задрался, и на секунду под ним мелькнула полоска кожи. Или, если точнее, то, что раньше было ею: уродливые бурые рытвины, перечёркнутые многочисленными рубцами, будто кто-то пытался снять кожу с девушки.

– Ох... – вырвалось у меня.

Пиксиянка поправила рукав:

– Нечего меня жалеть, Джерри. Это всего лишь кусок кожи, пускай и большой площади. Вот я скажу «ох» на твоей могиле, если ты и дальше будешь отвлекаться от занятия, вместо того чтобы учиться...

Это было грубо, но действенно. Я выпрямилась и полностью сосредоточила внимание на металлическом пруте, связанном в узел.

Пиксиянка молниеносно натянула рукав обратно и как ни в чём не бывало продолжила:

– Возвращаясь к нашему уроку. Твоя задача – научиться пользоваться своими способностями так, чтобы в тебе никто не заподозрил угрозу. Уж поверь, таких, как ты, нанимают не для статуса. В идеале ты должна будешь настолько слиться с

окружением владельца контракта, чтобы тебя считали серой мышью, бестелесной тенью, ничего не значащей помощницей или комнатной собачкой. Ты – никто. А твоя внешность шестилетней девочки-ангелочка даёт тебе огромное, просто гигантское преимущество до тех пор, пока ты не начнёшь гнуть голыми руками железо на глазах у недоброжелателей.

– Но ты же сама мне дала задание согнуть этот швархов прут! – искренне возмутилась я.

– Аккуратно! Ключевое слово в моём задании было «аккуратно». В полевых условиях ты можешь выйти в туалет или спрятать руки под стол, а потом соорудить невинные глазки и сказать: «Ой, случайно сломалось!» С твоей моськой тебе поверят. Но твои руки! – Она многозначительно указала на кровоточащую ранку на ладони. – У тебя из-за наноботов при огромной физической силе ещё и повышенный болевой порог, поэтому ты должна ответственно относиться к своему телу... – Ещё бы! – ...и виртуозно владеть им, ювелирно напрягать каждую мышцу. Представь, тебе владелец подаст руку для рукопожатия, а ты не считаешь силу и ломаешь её. Или случайно проломишь скафандр и станешь причиной его смерти в открытом космосе...

Лоретт неожиданно взяла меня за руку и сильно нажала на рану. Я почувствовала касание, но сродни тому, как ощущаешь десны и язык, когда отходит заморозка после укола стоматолога.

– ...Чувствуешь? – спросила пиксиянка.

– Почти не чувствую боли.

– Это работа наноботов. Они пропускают сигнал в мозг, но лишь частично. Болевой порог нам дан, чтобы мы заботились о своём теле и не приносили ему серьёзных травм. Боль – это в первую очередь сигнал, что ты делаешь что-то не так. Например, если я голой рукой возьмусь за разгорячённый противень, то почувствую боль. Если продолжу держаться за него, то на этом месте появится ожог. Хороший агент должен уметь игнорировать боль тогда, когда ему это нужно, но помнить, что у всего есть своя цена.

Я растерянно кивнула.

– ...Что ж, – подвела итог Лоретт, – двигаешься ты нормально, в жилой сектор тебя уже перевели, так что со следующей недели будешь ходить со всеми на общие занятия.

– Куда ходить?

– Учиться, разумеется. В группы по теории – с теми, кто только проходит курсы подготовки. На тренировки по физической подготовке думаю поставить тебя с полевиками, кто поддерживает форму между заданиями. Будет глупо с твоими возможностями держать тебя среди новеньких.

Это был наш самый длинный разговор с Лоретт за два месяца. Большую часть времени она предпочитала молчать или давать мне задания и наблюдать, как я с ними справляюсь, изредка отпуская колкие замечания. Причём задания были самыми разными и порой даже странными.

Тренер бета-агентов могла попросить меня пройтись по

каюте с полным стаканом воды на голове или нарезать овощ левой рукой. Она регулярно требовала продемонстрировать, как я переворачиваю электронную бумагу. Поначалу мне показалось это глупостью, но, когда она попросила повторить эти же действия с закрытыми глазами, выяснилось, что я раздавила микросхемы.

Лоретт всегда была язвительной, немножко грубоватой и крайне неохотно шла на контакт. За всё время я смогла из неё вытрясти лишь то, что «Безымянный» – очень большой корабль с несколькими палубами. Это не просто флагман, а настоящий центр Особого Отдела. Именно здесь живут и учатся новички, сюда периодически залетают уже состоявшиеся агенты, чтобы подлатать себя или дожидаться нового задания. На мой вопрос, почему всё проходит именно здесь, в космосе, а не на какой-нибудь планете, ведь содержать такую станцию было бы в сотни раз проще и дешевле даже на необитаемом астероиде, Лоретт посмотрела на меня так, будто я на её глазах решила добровольно подышать ртутью, и коротко процедила:

– Джерри, Особый Отдел – тайная организация. Формально нас вообще не существует. Как ты думаешь, где легче спрятаться – на поверхности планеты или в глубоком космосе?

Больше эту тему с пиксиянкой я не поднимала, да и как-то расхотелось перебрасываться лишними фразами. С тех пор как я увидела полоску её настоящей кожи, мне стало не по се-

бе. Понятно, что пребывание на Карридо, да ещё и такое длительное – три года, – не остаётся без последствий, но теперь, всякий раз встречаясь с Лоретт, я чувствовала себя неудобно. Мне чудилось, что пиксиянка держит на меня зуб, ведь волею случая мне досталась новая внешность, а ей нет.

Каждый день утром и вечером меня навещал док. Я привычно отвечала ему, что чувствую себя хорошо, а уж для той, кто пережил смерть, так и вообще чудесно, но он всё равно проводил сканирование моего организма. Однажды заметил на моём лице тёмные круги под глазами.

– Ты плакала? – удивлённо спросил мужчина.

– Немного... во сне. Кошмары мучили, – соврала я.

На самом деле меня не мучили кошмары, наоборот – снились чудесные сны о родителях, сестре и её муже, о том, как они счастливы. И каждое утро я плакала, потому что мне безумно хотелось хотя бы на миг увидеть их, обнять, сказать: что бы ни случилось, я буду их помнить. Но почему-то признаваться в том, что отчаянно скучаю по родным, показалось неправильным. Особенно – после слов Лоретт.

Миттар спокойно выслушал меня, посмотрел, посветив тонким фонариком глазное дно и веки, и вышел из каюты. Вернулся уже с громоздким шлемом со множеством диодов и проводов, долго и тщательно выставлял на устройстве настройки, затем надел его на меня и включил, велел пару минут не двигаться.

Эти пару минут я не ощущала ничего, кроме легкого пока-

лывания и чесотки сродни той, когда голову напекает знойным солнцем под шляпой и отчаянно хочется снять её и запустить в волосы пальцы.

После этой процедуры мне перестали сниться сны. Вообще любые. Ни кошмары, ни мечты, ни воспоминания. Я стала спать так, будто кто-то каждый вечер добросовестно вынимал из меня аккумулятор и ставил его на зарядку.

Что самое странное, после воздействия этого шлема плакать я перестала тоже. О родителях и Диане помнила, знала, что они живут на Танорге и раньше были мне самыми близкими людьми, но все эти воспоминания будто подёрнулись дымкой. Эмоции ушли глубже, чем вода уходит в недра земли в сердце пустыни. Путник может взять лопату и вырыть колодец в песке, но интуитивно будет понимать, что это бессмысленно. Без дождя вода в разрытой яме не появится. Так и я чувствовала, что даже если буду тщательно перебирать каждый момент в памяти, он уже не принесёт тех эмоций, которые я испытывала в прошлой жизни. Как будто какую-то часть меня заморозили и похоронили заживо.

В ночь перед тем, как Лоретт сообщила, что хочет видеть меня на групповых тренировках бета-агентов, я сквозь дремоту слышала шаги в своей новой каюте. Открыла глаза и резко села на гелевом матрасе.

Неожиданным визитёром оказалась Элизабет. Эльтонийка на этот раз была одета в роскошное сверкающее вечернее платье с длинным шлейфом, волочившимся за ней по полу, и

немыслимым разрезом на бедре, доходящим практически до уровня пупка. Каким образом оно держалось на ней так, чтобы выглядеть прилично – отдельный вопрос, стоящий немалых размышлений. Такие платья я видела до сих пор лишь на знаменитых звёздах, когда смотрела прямые трансляции с фестивалей голоиндустрии. По замедленным движениям и тяжёлым шагам сразу стало понятно, что Элизабет крайне устала.

– Не спишь? Хорошо, – выдохнула она, даже не посмотрев в мою сторону.

Набрала на панели управления каютой быструю комбинацию, дождалась, когда материализуется барная табуретка, подошла к ней и выругалась, поняв, что в своей одежде просто не сможет забраться на высокое сиденье. В мгновение ока в её руке мелькнул словно ниоткуда взявшийся нож. Эльтонийка ловко откромсала внушительный кусок подола и спокойно уселась на табурет.

– Всё равно не моё платье. – Элизабет пожала плечами. – Пускай Каролайн вообще скажет спасибо, что я взялась за её задание. Майк отказался со словами, что у него не получится достоверно сыграть эльтонийку.

В последней фразе явственно проступили нотки возмущения.

– Каролайн – агент алеф-класса? – на всякий случай уточнила я.

– Да, а Майк – типичный бета. Ему бы только всё взрывать

и взрывать... – Красотка поморщилась так, словно откусила хот-дог, а в него вместо обещанного кетчупа положили ненавистный майонез. – Мы работаем в тройке, обычно они двое – полевики, а я их страхую. Но не в этот раз... А, ладно. – Элизабет махнула рукой. – Я пришла не на жизнь жаловаться, а сообщить, что поговорила с начальством и согласовала для тебя курс сигма-класса...

Она внимательно на меня посмотрела, но я продолжила безмолвно сидеть на матрасе. А что мне оставалось делать? Выражать шумную радость по поводу того, что одно неизвестное будущее заменяется другим? Странно и глупо. Не факт, что и это сообщение не какая-то внутренняя проверка Особого Отдела.

– ...А ты, я смотрю, не очень-то эмоционально восприняла эту новость, – протянула Элизабет задумчиво.

На этот раз я пожала плечами:

– Сигма так сигма. Я рада, что не алеф, но не очень понимаю, как это повлияет на моё дальнейшее обучение, а потому не могу прореагировать как-то более эмоционально.

Эльтонийка кивнула, принимая ответ.

– Это означает, что у тебя начнётся учёба уже с завтрашнего дня. Одежда у тебя уже есть, а всё остальное принесёт робот – я позабочусь. Расписание занятий будет на твоём коммуникаторе...

Она направилась к выходу из каюты и, уже переступая порог, загадочно бросила мне:

– ...Приятно видеть, что у тебя есть задатки тени.

И вот что это значило? Видимо, таким образом Элизабет своеобразно похвалила меня за то, что я не стала прыгать на матрасе и хлопать в ладоши после её известия, ведь тень – это что-то беззвучное, не имеющее собственных желаний и практически невидимое. Что-то мне подсказывает, что про-реагируй я на её слова по-другому, меня всё-таки против воли, но записали бы в алеф-класс.

Так ничего не решив, я повалилась обратно на мягкий гель. Утро вечера мудренее, если, конечно, в космосе применимы такие слова, как «утро» и «вечер».

Глава 5. Адмирал Даррен

Проснулась от странного звука, похожего на надоедливое жужжание пчелы на моей родной планете. Распахнула ресницы и увидела на прикроватном столике коммуникатор последней модели, лёгкий и тонкий планшет и несколько листов электронной бумаги и стилус.

Разумеется, вибрировал таймер на коммуникаторе. Я его выключила и машинально посмотрела почту – единственное сообщение от неизвестного пользователя с расписанием занятий. Точнее – несколько дат, время и буквенно-цифровые номера типа L-3-88, H-2-24, G-4-03. Памятуя о том, как самоуничтожилась карта памяти с данными о классификации агентов, я напрягла все свои извилины, чтобы запомнить эту информацию. К счастью, именно на числа моя память была очень хорошей. Вот если бы мне дали сплошной художественный текст такого же объёма, то я вряд ли смогла бы его воспроизвести без ошибок.

Дальше всё по привычке ещё из старой жизни – контрастный душ, капли с очищающим средством, расчёска. Всё настолько обыденно и рутинно, что если не заикливаться на том, что за окном вместо сияющих небоскрёбов и многочисленных квадрокоптеров – чёрный космос и редкие далёкие блёклые звёзды, то никакой разницы.

Над выбором одежды сомневалась секунды три, может,

четыре. Уже когда я заселялась в каюту, в гардеробной на штанге висело шесть спортивных комбинезонов, несколько футболок и брюк, отличающихся от таноржских более плотными вставками в неожиданных местах. Внешне одежда очень походила на ту, которую носили на моей родине, разве что ткань чувствовалась немного иной. И всё оказалось настолько крошечным... Однако размер действительно мой, точнее – моего нового тела.

Облачившись в первую попавшуюся футболку и штаны, по цвету напоминавшие старые добрые джинсы, я привычно ткнула в кнопку закрытия двери гардероба, не посмотрев в зеркало. Всякий раз, когда где-то появлялось моё отражение, я замирала, и на душе становилось особенно тоскливо. Порой казалось, что всё случившееся со мной – дурной сон и я вот-вот проснусь тридцатитрёхлетней шатенкой Дженнифер Рэтклифф с интересной работой, счастливыми родителями и невыносимо любопытной младшей сестрой. И мы все встретимся на Зоннене, будем беззаботно плавать в море и загорать, есть вкусные мидии, запивая их свежавыжатым ананасовым соком, а потом вернёмся на Танорг.

Но в зеркале всегда отражалась маленькая угловатая шестилетняя девочка с огромными зелёными глазищами из-под рыжеватой чёлки, пухлыми щёчками и слишком светлой для представительниц моей планеты кожей. Мне было странно чувствовать себя на свой возраст, помнить свою жизнь, но видеть в отражении совсем ещё малышку. Печально и груст-

но осознавать, что даже когда эта девочка вырастет, она не будет похожа на ту Дженнифер, которой я была.

Единственный раз за прошедшие два месяца я целенаправленно посмотрела в зеркало, когда попросила робота подстричь меня и указала нужную длину – чуть ниже уха. Я и в своей прошлой жизни не особенно любила длинные волосы, а теперь и вовсе не видела смысла отращивать косы. Сигма-агенты должны быть бесшумными теньями своих владельцев, неуловимыми и невидимыми. Зачем им длинные волосы?

Из личной каюты я выбралась впервые. Точнее, впервые вышла из неё без сопровождающего и почти сразу же установилась в пол, на котором зажигались полоски диодной ленты с указателями.

Когда Андрэ переводил меня из медицинского отсека в каюту, я обратила внимание, что он сверялся с электронными указателями.

А, В, С, D... Я нашла букву «L» и двинулась в ту сторону, куда указывала стрелка. Логика подсказывала, что Элизабет в свойственной агентам манере скинула мне самый минимум информации – дату, время и локацию. Но формат чисел «L-3-88, H-2-24, G-4-03» не был похож на время, должно быть, это номера аудиторий.

За этими мыслями не заметила, как дошла до лифтов. Высокий темноволосый мужчина в кобальтово-синем костюме уже нажал на кнопку вызова и скрестил руки на груди в ожи-

дании скоростной кабины. Острый шип на кончике его хвоста в нетерпении барабанил об пол.

Это был цварг, определённо цварг. Мужчина стоял ко мне спиной, и лица не было видно, но почему-то, лишь бросив взгляд на его идеальную выправку, коротко стриженный затылок, внушительные плечи и роскошную золотую вязь на тёмно-синих рукавах, я почувствовала внутренний трепет. По телу пробежали сотни мурашек. От незнакомца прямо-таки исходили флюиды власти, чувствовалось, что он привык отдавать приказы, командовать, вершить чужие судьбы и брать на себя ответственность.

Я плохо ориентировалась в рангах офицеров Космического Флота, но обилие золотых нитей в нашивке говорило, что передо мной минимум командор. Стараясь вести себя незаметно, я встала позади него, раздумывая, будет ли приличным зайти в лифт вместе с офицером высшего ранга или же всё-таки рискнуть опоздать на занятие, но дожждаться следующей кабины.

И в этот момент цварг витиевато выругался и со словами «швархи побрали бы этот медлительный Особый Отдел, здесь даже лифта дожждаться невозможно» не глядя сделал шаг назад.

– Ой, простите, – только и успела я вымолвить, в последний момент отпрыгивая с траектории движения мужчины и его хвоста.

– Что?

Мой возглас невообразимо удивил офицера, он резко развернулся и посмотрел вниз. Я так и замерла, глядя на незнакомца, словно пойманный на краже воришка. Таких мужчин на Танорге я никогда не видела. Широкие скулы и левой подбородок, чётко очерченные поджатые губы и нос с небольшой горбинкой, пронзительный взгляд невероятных фиалковых радужек с тёплыми золотыми крапинками, блестящие витые рога цвета обсидиана.

– Малышка, прости меня, пожалуйста. Как же я тебя не учуял, ума не приложу... Видимо, совсем старый стал. Ты как, цела? Я тебя не задел?

Мужчина, не задумываясь ни на секунду, встал на колени, чтобы быть вровень со мной. Удивительного оттенка глаза смотрели на меня с непередаваемой тревогой.

А я поймала себя на том, что открыла рот от изумления – ещё никто и никогда не опускался передо мной на колени. Разве что папа лет тридцать назад, чтобы научить завязывать шнурки. Но то папа и много лет назад, а тут – действующий офицер высшего ранга и прямо сейчас.

Моргнула, прерывая зрительный контакт, и перевела взгляд на крепкую фигуру цварга. Идеально отглаженная и сидящая, словно он в ней родился, форма Космического Флота ничуть не скрывала тренированное мужское тело. Да разве способна хоть какая-либо ткань скрыть накачанные руки, мощную грудную клетку, широкий разворот плеч?! Даже шея у этого цварга была как будто шире и крепче, чем все

шей мужчин-таноржцев, которых я видела в жизни. Крупный кадык, гладкие щёки, по-военному простая стрижка с выбритыми почти под ноль висками. Никаких цветных пёрышек, косичек с бусинами или хвостиков, которые так любят носить гражданские мужчины. Короткий тёмный ёжик волос выглядел настолько непривычно, что я с трудом совладала с желанием потрогать его. А ещё от цварга исходил еле заметный свежий аромат.

Когда-то я находила Любомира, моего второго молодого человека, весьма привлекательным, но его телу было очень далеко до фигуры этого офицера. Китель на талии офицера сидел очень плотно, подчёркивая то, что у его обладателя нет ни грамма лишнего жира, а ниже на брюках собралось несколько складок из-за позы. Я густо покраснела, неожиданно поняв, какое место с интересом рассматриваю.

– Малышка, ты почему молчишь? Испугалась меня? – продолжал вкрадчивым, мягким и тягучим баритоном расспрашивать незнакомец, явно не догадываясь, какие мысли бродили в моей голове.

Я впервые порадовалась, что выгляжу как ребёнок.

Если ещё несколько секунд назад от цварга веяло раздражением и опасностью, и мне хотелось быть как можно более незаметной, то сейчас я буквально чувствовала исходящее от него тепло. Нет, в данный момент я готова была поспорить на что угодно, что этот офицер не сделает мне ничего плохого. Не потому, что мы находимся на «Безымянном»,

и даже не потому, что перед ним шестилетняя девочка. Эта странная уверенность с каждым мгновением становилась всё крепче. Слишком обеспокоенный взгляд, искренняя забота, ни грамма фальши. От раздражения и недовольства не осталось и следа.

– Эй, маленькая, как тебя зовут?

– А-м-м-м... – Я сообразила, что надо всё-таки что-то ответить. – Джен... то есть Джерри. Меня зовут Джерри Клифф. А вас?

Мужчина неожиданно мягко улыбнулся, обнажив безупречные белые зубы. Эта улыбка подействовала на меня как тёплое солнышко, выглянувшее из-за многодневных сизых туч. Разом забылись все горести, преследовавшие меня последние дни. Неужели бывает так, что от улыбки незнакомца унимаются все плохие мысли, а сердце заполняется глупой и по-детски наивной надеждой, что всё будет хорошо?

– Даррен. Но ты можешь называть меня просто Дарр.

«Да-ар-рен», – повторила про себя, перекатывая звуки по нёбу. Какое необычное и сильное мужское имя – под стать тому, кто его носит.

– Приятно познакомиться, Даррен, – упрямо назвала нового знакомого по полному имени и протянула руку, что вызвало мимолётное удивление на лице цварга.

Однако он протянул ладонь в ответ и очень мягко пожал мою, явно стараясь не сделать больно. Меня так и подмывало сжать пальцы и показать, что я не настолько хрупкая, какой

кажусь. Но я обуздала хулиганский порыв и просто в меру крепко пожала руку мужчине. Бровь мужчины выгнулась дугой, но в этот момент позади нас раздалась тихая мелодичная трель «ту-ду-ту-у».

– А вот и лифт приехал. Не испугаешься поехать со мной? – спросил Даррен, неожиданно весело мне подмигивая. Я фыркнула и прошла вперёд. Цварг зашёл следом. – О-ох, как же я давно не был на «Безымянном», – с тоской в голосе произнёс он, глядя на панель с многочисленными непонятными символами. – Джерри, тебе на какой?

«L-3-88» – услужливо подсказала память. Сектор L я уже нашла, этаж, видимо, третий, а аудитория – восемьдесят восьмая.

– На третий.

– Гм-м-м, мне тоже. – Цварг задумчиво почесал подбородок. – Снова они шифр поменяли... и чем их старый не устраивал?

Я улыбнулась краешком рта, юркнула под мощную руку цварга, вставая между ним и панелью, и очень быстро нарисовала на экране несколько символов, обозначающих третий этаж. За время, что я провела на «Безымянном», у меня была масса времени, чтобы разобраться с электроникой. Ничто не мешало мне вскрыть панель управления и хорошенечко покопаться в «мозгах» устройства, выяснив, какая кнопка или символ за что отвечают. Как я поняла, Особый Отдел использовал на «Безымянном» собственный язык, посчитав,

что это самый надёжный способ шифрования.

Язык оказался до неприличия простым: никаких родов и склонений, очень простые по написанию числительные и всегда прямой порядок слов в предложениях. Я предполагала, что он специально разработан таким образом, чтобы агенты могли быстро его выучить и делиться друг с другом важной информацией устно или письменно, и даже если кто-то подсмотрит, то сходу ничего не поймет. Но как не забыть секретный шифр, которым ты практически никогда не пользуешься? Правильно, ради его поддержания вся электроника «Безымянного» управлялась именно на этом языке. Конечно, для новичков и таких, как я, делались исключения, и роботы понимали общегалактический, но я готова биться об заклад, что на первом же занятии всех новеньких учили внутреннему языку. Так или иначе мне удалось поразить Даррена уже дважды, введя на панели цифру «3» особым способом.

Двери лифта закрылись, и, слегка шурша антигравом, платформа поехала вниз. Я сделала мысленную пометку, что моя каюта располагается выше третьего этажа.

– Какая ты смышлёная, оказывается, – похвалил меня мужчина, но почти сразу же тёмные брови сошлись на переносице, а в голосе прозвучали резкие нотки. – А шифру мама научила, да?

Я оторопела от этого вопроса. Вряд ли все новички на «Безымянном» взламывают панели управления каютой, но

мне очень хотелось пить, и я, само собой, полезла в базу данных команд компьютера. Элизабет ясно дала понять, что на корабле видеонаблюдение повсюду, и я подумала, что если сделаю что-то противозаконное, то ко мне тут же придут, а я отмажусь тем, что не знала. Поковыряться в настройках робота для любой коренной таноржки – святое дело, должно было прокатить.

Видимо, смятение на моём лице цварг принял за утвердительный ответ.

– Ох, ты ж, непаханные кратеры! Ничего Маркеланну нельзя доверить! Секретную информацию сливают даже детям, дисциплина на нуле... Да, малышка, а как зовут твою маму?

– Не знаю, – брякнула быстрее, чем мозг успел всё тщательно обдумать. На долю секунды паника затопила меня с головой, но, пораздумав над этим вопросом, я вновь повторила: – Не знаю.

Элизабет ничего не сказала насчёт моей истории и родителей. Мы с ней выбрали лишь имя и специализацию для Джерри Клифф.

Вновь раздалось мелодичное «ту-ду-ту-у», и двери лифта разъехались. Я бодро шагнула вперёд в поисках номерных указателей и числа «88», но в этот момент Даррен крепко ухватил меня за руку. Моя крошечная ладошка утонула в его – огромной, горячей, мозолистой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.